

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

ДМИТРИЙ ЕРМАКОВ, АНАСТАСИЯ ОСИПОВА

ТРЕТЬЯ СИЛА



FUTURE CORP.

Метро

Дмитрий Ермаков

Метро 2033: Третья сила

«АСТ»

2015

Ермаков Д. С.

Метро 2033: Третья сила / Д. С. Ермаков — «АСТ»,
2015 — (Метро)

ISBN 978-5-17-090715-1

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Много станций в Петербургском метрополитене, но к две тысячи тридцать третьему году крупных союзов осталось всего четыре: Империя Веган, Приморский Альянс, Северная Конфедерация, которой нет дела до проблем остального мира... и Оккервиль. Сильная, хорошо организованная община на правом берегу Невы. Третья сила, способная переломить ход надвигающейся войны. Именно в эти страшные дни начинаются полные опасностей приключения юной дочери сталкера Елены Рысейвой. Выдержит ли девушка тяжкие испытания, выпавшие на ее долю и на долю всего метро?..

ISBN 978-5-17-090715-1

© Ермаков Д. С., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Территория встреч и ожиданий	6
Пролог	7
Часть первая	11
Глава 1	11
Глава 2	24
Глава 3	33
Глава 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Дмитрий Ермаков, Анастасия Осипова

Метро 2033: Третья сила

*Сверкнула молния, и вот
Тьма на мгновение разъята.
Душа сжимается, живет
Предощущением раската.
В тиши – далекий звук трубы,
И всюду голос, голос тайный,
И веет холодком судьбы
От встречи, якобы случайной.*

С.Л. Штильман

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Д.А. Глуховский, 2015

© Д.С. Ермаков, А.А. Осипова, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Территория встреч и ожиданий

Объяснительная записка Вячеслава Бакулина

Помнится, когда-то давненько, еще в школьные годы, меня привела в восторг короткая, как все гениальное, фраза: «За окном шел снег и рота красноармейцев». Нынче, приступая к очередной «объяснительной», я вспомнил то веселое время и... Не пугайтесь, уважаемые читатели, от приступа ностальгии, *Perpetuum Mobile* множества графоманов, я вас избавлю. Просто в качестве своеобразного реверанса быломu начать хочется как-нибудь в упомянутом стиле. Ну, скажем:

Пришла весна и шестидесятая книга серии.

В общем-то, написав это, дальше можно не продолжать. Ну в самом деле, найти в эти прекрасные солнечные деньки более важные для любого адепта постыядера события, разумеется, можно, но зачем? Казалось бы, давно ли мы все шумно радовались роману Виктора Лебедева, закрывшему в нашем проекте «первую полусотню»? А так поглядишь – почти год прошел. Целых десять книг позади, а уж сколькими новыми читателями за это время приросла «Вселенная»... Что же до весны, аккурат сегодня наткнулся в сети на чудесную фразу: «Весной что хорошо? Весну-то уже ждать не надо».

Чего же нам ждать тогда? Ну, например, «Метро 2035», до выхода которого уже остались считанные месяцы (по крайней мере, мне очень хочется в это верить). Пока же – очередной номер газеты, в котором опубликован новый эксклюзивный кусочек романа Дмитрия Глуховского.

Еще можно ждать встречи с новыми авторами со всех уголков света или со старыми героями, продолжения (или окончания) приключений которых не за горами. Или очередных десятков книг в серии: седьмого, восьмого, девятого и далее, насколько хватит смелости и оптимизма.

Можно ждать новых друзей, на которых наши официальные площадки – сайт metro2033.ru и группа vk.com/metro2033.books – всегда были (и, я уверен, будут впредь) очень щедры. Или даже не только друзей, а кого-то несравненно более важного, как нашли однажды друг в друге Дмитрий Ермаков и Анастасия Осипова.

Можно ждать новых конкурсов рассказов. Новых игр. Фильма, наконец (да, я помню, что, когда вы прочтете это, уже будет лето на подходе, но мечтать-то мы вольны не только в канун Нового года).

Можно даже ждать шестьдесят первую книгу с очередной буковкой на корешке, чтобы в очередной раз гадать: что же за слово там будет, и как оно впишется в общую фразу, и что же это будет за фраза такая в итоге?

Много чего можно ждать. Много на что можно надеяться. Много во что можно верить. И это прекрасно. Если уж такая, казалось бы, бесконечно далекая от ожиданий, надежд и веры штука, как постапокалипсис, способна подарить нам всем столько радости, значит, все у нас будет хорошо. Уж такая это специфическая форма заполнения времени и пространства – «Вселенная Метро 2033».

Пролог

Антон Казимирович Краснобай, молодой купец из Торгового города, ненавидел станцию Черная речка.

Женя, подружка Краснобая, особа образованная, любительница поэзии, связывала его ненависть по отношению к Черной речке с дуэлью Александра Сергеевича Пушкина. Это вызывало у нее умиление. Антон девушку не разубеждал. Сам он ни одного стихотворения Солнца русской поэзии не знал; литературой не интересовался; против реки, впадавшей в Неву, ничего не имел. А вот станцию ненавидел.

Вообще, Антон ненавидел почти все, что его окружало в подземном мире, начиная с запаха сырости и кончая супом из шампиньонов. Как назло, ни от того, ни от другого в метро некуда было деться.

Ненависть порождает страх. Страх перед темными туннелями, перед загадочными ходами, ведущими бог весть куда, перед загадочными шорохами, доносящимися из метро. Но больше всего Антон боялся невообразимой земной толщи, давившей сверху на конструкции метрополитена. Сотни раз он пытался убедить сам себя, что раз опоры вопреки логике и здравому смыслу выдержали ядерные взрывы и простояли двадцать лет без ремонта, то они вряд ли рухнут. Не помогало. Краснобай продолжал бояться метро. И ненавидеть его всем своим существом, всеми фибрами души. А станцию Черная речка, одну из самых глубоких в Петербурге, особенно.

Но все это меркло по сравнению с той смесью ужаса и омерзения, которую вызывали у коммерсанта обитатели все той же Черной речки...

Не было для Антона пытки страшнее, чем шагать по грязному, сырому туннелю, где воняло гнилью и шныряли тощие крысы. Впереди ждала мрачная, заваленная мусором платформа, не знавшая уборки на протяжении последних двадцати лет. Там прямо с потолка капала грязная вода, крысы «ходили пешком», а среди мусорных куч собирался всякий сброд без роду-племени. Цыгане, воры, проститутки и прочие, и прочие. Попадались даже цыганки-воровки, промышлявшие любовью за деньги. Изгои, отторгнутые, выплюнутые обществом. Стоило Антону, жившему на сытой, чистой станции Спасская, оказаться тут, как его тут же начинало тошнить. По возвращении домой купец всегда принимал душ, наплевав на дороговизну мыла и теплой воды. Только тогда ему становилось лучше.

На беду многие деловые партнеры назначали встречи именно там.

Логику их Антон понимал: станция считалась транзитной, то есть, по сути, не принадлежала никому. Она не имела администрации, значит, и разрешение на проход не требовалось. Среди ошивавшегося тут сброда легко было затеряться. До центра метро близко, пара перегонов – и вот уже Невский проспект. А не хочешь светиться на территории Альянса, тоже не беда, есть технический туннель от Горьковской до Сенной.

На «Речке» нанимали челноков или гонцов; местные жители с готовностью соглашались на любую работу ради пары заветных патронов. Да, порой на «Речке» бывало многолюдно, но местных оборванцев чужие разговоры не интересовали. Иногда тут, прямо на перроне, выступал цирк, тогда станция сотрясалась от музыки и криков. В такие моменты услышать, о чем шепчутся в углах деловые люди, становилось невозможно. В общем, для встреч место было что надо. Поэтому коммерсанту приходилось мириться с капризами клиентов и, скрепя сердце, Антон снова и снова отправлялся на опостылевшую станцию.

Его главному телохранителю, Николаю Михайловичу Зубову, бывшему солдату Приморского Альянса, на Черной речке тоже не нравилось.

– Жуткое место. Каждый второй на убийцу похож, – говорил Зубов товарищу Ивану Рытову, тоже подававшемуся из армии в телохранители. – Только войду – хочется всех положить. Чтoб наверняка.

Едва гости вошли на станцию, как их тут же окружили галдящие цыганята, чумазые настолько, будто только что искупались в грязи. Краснобай и Зубов одевались неприметно, но с тем же успехом они могли прятаться в пустой комнате – слишком хорошо выглядели оба гражданина Торгового города. Слишком чистыми были волосы Краснобая, выбивавшиеся из-под капюшона. Слишком откормленным выглядел Зубов. Не успел Николай кулаками и матом отогнать детвору, как к купцу принялась клеиться тощая, потасканная «ночная бабочка».

– Привет, красавчик! Покажешь мне своего маленького дружка? – промурлыкала она, изображая сладострастную улыбку. Получилось так себе. Выбитый зуб и синяки, кое-как замазанные непонятно чем, девушку не красили.

Краснобай выполнил ее просьбу – молча достал из кобуры ПМ. Бабочка в испуге упорхнула. На центральных станциях Антон пистолет обычно не носил, там за это штрафовали. На окраины же без оружия и бронежилета старался не соваться.

Следом точно из-под земли возникла старая, страшная, как смерть, цыганка-гадалка. Она потянулась к гостям, вереща противным голосом: «Позолоти ручку, всю правду тебе открою!» А когда Краснобай попытался отстраниться, так вцепилась в его правую руку, что Антон Казимирович от неожиданности вскрикнул. И терпение его лопнуло.

– Зу-у-уб! – рявкнул он.

Краснобай никогда не называл своего начохра по имени-отчеству, обычно ограничивался прозвищем – Зуб. Зубов не обижался. Так же его звал и предыдущий хозяин. Прозвища в метро подчас заменяли имена не только при общении с посторонними – зачастую сам носитель клички ассоциировал себя только с ней. Спросишь, к примеру, какого-нибудь Горыныча, как его мамка при рождении назвала, а тот только в затылке почешет и руками разведет.

Зуб отреагировал мгновенно: заслонил собой шефа и навел на старуху пистолет-пулемет. Цыганка смирла гостей надменным, полным презрения взглядом, смачно сплюнула на сапог Зубову и зашаркала к своей палатке.

От них отстали.

Антон уселся на трухлявую, покосившуюся скамейку. Зубов с «Кедром» в руках пристроился рядом.

Молодой коммерсант запахнул плащ, надвинул на голову капюшон, и постарался отрезвиться от всего. От смрада и копоты. От детского визга и женской трескотни. И представил себе, что все уже кончилось. Что мучение осталось позади. Что он снова дома, на Спасской, в тепле и покое, окруженный пусть и бoльшими негодяями, но хотя бы не вонючими, не ползающими по полу в поисках недоеденной крошки...

К счастью Краснобая, клиент скоро объявился. Этот мужик, просивший называть его смешной кличкой Барин (настоящие имена своих партнеров, впрочем, Антон никогда не спрашивал), явился с Выборгской. Он вел дела с Северной конфедерацией. Барыга Барин был мужиком надежным, да и представитель конфедерации, некто Мороз, никогда не нарушал слово и платил исправно. Вот и в этот раз проблем не возникло: Барин принес патроны и забрал у Зубова мешок с наркотиками, так называемыми «грибами счастья».

Деловая часть встречи завершилась. Однако Барин, мужик лет сорока, слегка полноватый, грузный, с лысой, как коленка, головой и длинными усами а-ля Тарас Бульба, никуда не спешил. Сидел, задумчиво глядя в пустоту. Краснобай сразу заметил: что-то с Баринoм не так. Клиент был мрачен, по сторонам смотрел с опаской. Тоже явился с пистолетом в кобуре, в первый раз за все время, что они работали вместе.

– Что-то случилось? – поинтересовался купец, видя, что молчание затягивается.

– Да как тебе сказать, – проговорил Барин, окидывая станцию пристальным взглядом. – Услышал от одного ходока... А он мужик серьезный, просто так болтать не станет.

– Что услышал-то? – перебил барыгу Антон Казимирович, стремясь скорее закончить разговор.

– Проходчик вернулся. Каныгин вернулся, – выдохнул Барин. И, словно испугавшись собственных слов, поспешно потянулся за пистолетом.

Цыганка, проходившая мимо, бросила на Барина взгляд, полный дикого ужаса, пробормотала что-то себе под нос и скрылась.

Николай Zubov, слушавший беседу вполуха, побледнел, выпучил глаза и тихо чертыхнулся. Краснобай с удивлением увидел, что его охранник снимает «Кедр» с предохранителя.

«Кажется, я один не в курсе, кто такой этот Каныгин», – подумал Антон Казимирович. Он знал, как выглядит Zubov в гневе или в ярости, но такого животного ужаса на лице сурового телохранителя купец не видел никогда.

– Откуда вернулся? Из запоя? Из карцера? – спросил с усмешкой Краснобай, чтобы немного разрядить атмосферу. Он решил, что речь идет о каком-то дебошире или разбойнике, не дающем спокойно спать окраинным станциям.

– Из ада, – прикрыв рот ладонью, едва слышно произнес Барин.

Больше купец с Выборгской не сказал ни слова. Он поспешно встал и скрылся в туннеле, ведущем на Петроградскую.

Антон Казимирович глядел ему вслед, хмурился, вздыхал, покачивал головой.

«Ну и дела. Спятил Барин, совсем крыша поехала, – размышлял Краснобай. – Вот уж не ожидал».

– Кто такой этот Каныгин? Беглый каторжник? Террорист? Насильник? – обратился купец к телохранителю.

– Как, шеф, вы никогда не слышали о нем? – изумлению Zubova не было границ.

Антон фыркнул.

– О! Это жуткая история, шеф... Звучит как хрень полная, как страшилка для сопляков, но тут все серьезно. Очень серьезно. Только пойдемте отсюда скорее, бога ради, – взмолился Николай, вертевшийся, точно флюгер, пытаясь контролировать каждый уголок станции. – По пути расскажу.

Минуту спустя они уже шли по туннелю, поминутно спотыкаясь, наступая в лужи тухлой воды, стремясь скорее оказаться дальше от нищей, грязной станции. В неровном свете ручного фонарика прыгали и метались тени. Пару раз светильник, который нес Zubov, отключался, и тогда путники оказывались в кромешной тьме. Отзвуки шагов Антона и Николая, отражаясь от сводов туннеля, создавали причудливые сочетания. Временами казалось, что они тут одни, временами – что идет целая толпа. Стоило же им остановиться, как наступала мертвая тишина. От всего этого Антону Казимировичу становилось немного не по себе.

«Расскажи мне кто эти бредни в баре, где светло илюдно, вообще бы не впечатлило, – размышлял он, ежась от холода и страха, невольно закрывшегося в душу от истории о Каныгине. – А тут, конечно, совсем иначе звучит...»

Zubov говорил, и чем дальше слушал Краснобай, тем сильнее его трясло. Антон Казимирович старался держать себя в руках, пытался улыбаться через силу. Получалось плохо.

– В пятидесятые эта история началась, – шептал Николай Михайлович, то и дело замолкая, чтобы осветить туннель сзади, – первую очередь метро сдавали. Взрыв газа. При взрыве погиб метростроитель. Некто Каныгин. Разорвало мужика в клочья. Один сапог окровавленный нашли¹. Ну, сдох и сдох. Забыли, короче, быстро про эту историю.

¹ Вяткин А.Д. Петербург мистический. М.: ЭКСМО, 2014. С. 136–137.

– Ого. Значит, басне сто лет в обед, – хмыкнул Антон Казимирович, временно теряя интерес к рассказу телохранителя. – Неужели до сих пор помнят?!

– Работники метро всегда знали. А остальные не вспомнили бы, если бы он не появился опять. Лучше слушайте, не перебивайте. Этот мужик людей с эскалаторов сталкивал. Подойдет сзади к жертве и ка-ак даст по спине. Человек кубарем летит вниз. Потом совсем разошелся. Под поезд женщину сбросил...

«Ха, фигня все это, – Краснобай молчал, не мешал Зубову рассказывать, но про себя посмеивался. – Я много слышал про трагедии в метро. Люди сами виноваты. Сами прыгали. Одни с жизнью счеты сводили. Других в давке под поезд сталкивали. Третьи на эскалаторе зевали... Вот и падали».

– На вид Каныгин – обычный работяга, усталый, замученный, грязный, – продолжал рассказывать Зубов. – В каске, спецовке... Понимаю, звучит странно – не ходят метростроевцы среди бела дня в таком прикиде. Люди, едва эту образину за спиной заметив, начинали волноваться. Про его харю говорили, что она... Неживая. Словно маска. И несло от него каким-то зловонием.

«Да. Перегаром», – усмехнулся про себя купец. Но промолчал.

– Когда народ начал падать пачками, против Каныгина ментов бросили. И менты тоже его видели. Но поймать не смогли.

«И это не удивительно», – осклабился Антон. Про то, как работала до Катастрофы хоть милиция, хоть полиция, он тоже слышал много забавного.

– Исчезал он, шеф. Сквозь пальцы проходил. В последний раз про этого призрака долбаного в девяностые годы говорили. Потом пропал.

– И ты веришь в эти сказки? Ты, умный мужик? – купец смерил телохранителя презрительным взглядом. – А в русалок и домовых ты тоже веришь?

– Это не сказки, шеф. Это – метро, – произнес, озираясь, Николай. В тусклом свете старого фонаря лицо его на миг показалось Антону серым и землистым, как у мертвеца.

Часть первая Оккервиль

Глава 1 Отец и дочь

«От агента «Крот». Срочно. Секретно.»

Итак, выводы неутешительны, господин Сатур. Пропаганда, успешно действующая на других станциях метро, в данном случае дала сбой.

Вы просили проанализировать причины провала. Они просты. В.В. Стасов противопоставил нашим лозунгам («Долой союзы, да здравствует независимость!», «Свобода станций превыше всего!» и др.) следующую систему. Он организованно отправлял своих людей на жилые станции (Владимирская, Фрунзенская, Чернышевская и др.). На обратном пути «экскурсантам» показывали часть какого-нибудь союза. Например, Садовую или Адмиралтейскую. Прививка против независимости получилась эффективной. Я сопровождал несколько таких групп, видел, с какими лицами экскурсанты возвращались на «Черкасу». С той же целью Стасов собирал на независимых станциях жителей, изнуренных нищетой и голодом, и переселял к себе.

Теперь перейду ко второму Вашему вопросу. Военный потенциал Оккервиля весьма высок. В арсенале Альянса хранится тридцать пять единиц автоматического оружия. Ниже приведу выписку из инвентарного перечня. Перечень составлен мной лично, так что сведения точные. Пулеметы «Печенег» – 2 штуки. РПК – 3. АК-74 – 23. АКМ – 5. АК-105 – 2. Имеется гладкоствольное охотничье оружие. Всего 40 единиц хранения. Приводить здесь полный список ружей и карабинов надобности не вижу. Имеется жидкостный огнемет кустарного производства.

Вооруженные силы Оккервиля: двенадцать постовых, дежурящих посменно на блокпостах станции Новочеркасская. Десять человек несут службу на остальных станциях. Еще пять человек числятся в резерве. Имеется три группы сталкеров по три человека каждая. Их командир, Святослав Рысев, позывной «Князь», – один из лучших сталкеров в метро. Настоящий мастер своего дела. Чрезвычайно опасен.

Цифры не впечатляют. Но мне давно стало ясно то, что проморгала (простите за прямоту) Ваша разведка, господин Сатур.

Дело не в количестве стволов. Сила Оккервиля – его жители. Когда будет нужно, под ружье встанут все или почти все. Вот в чем качественное отличие общины Оккервиль от всех прочих. Вот в чем главная угроза для планов Империи. Именно поэтому я считаю, что правобережные станции могут стать той «третьей силой», которая если не переломит ход войны, то уж точно усложнит нашу борьбу.

В Альянсе поддерживается высокий уровень медицинского обслуживания. Это заслуга полковника Дмитрия Бодрова. Он сумел договориться с администрацией Площади Ленина. Военные медики, присланные с красной линии, не только победили несколько эпидемий, но и передали опыт местным докторам. В госпитале Оккервиля действует правило: врач не имеет права отказать пациенту в приеме. Работает тренажерный зал. Средства на все это дает Альянсу наркотрафик. В отличие от начальства Улицы Дыбенко, население которой в военном отношении бесполезно, Стасов и Бодров сумели распорядиться доходами разумно.

Каждый совершеннолетний гражданин Альянса обязан совершить выход на поверхность. Некоторые погибают (хотя это случается редко; при мне ни один охотник не погиб). Остальные получают бесценный боевой опыт. Результат – здоровое, боеспособное население. Идеальные доноры генетического материала для наших научных экспериментов. Правда, сначала их надо завоевать.

Наконец, касательно последнего Вашего вопроса: имеются ли какие-либо соглашения между Оккервилем и Приморским Альянсом. Насколько мне известно, подобные переговоры не велись и не ведутся. Так что в ближайшем будущем не стоит опасаться объединения двух группировок. Тем не менее, Ваше решение ликвидировать независимость правобережных станций я полностью разделяю и горячо поддерживаю.

Жду дальнейших распоряжений. Служу Империи.

Крот».

* * *

Оккервиль – это небольшая, но хорошо организованная община, получившая от жителей название в честь притока Невы.

Альянс включает три станции: Новочеркасскую (она же «Черкаса»), Ладожскую («Ладога») и Проспект Большевиков. У каждой станции есть комендант, из которых состоит Совет общины. Василий Васильевич Стасов, комендант «Проспекта», считается в Совете главным.

Это сонное, тихое место, почти лишенное связи с остальным населенным метро. Причина этой изоляции – не Размыв или Разлом, как на красной линии, и не идеология, как у коммунистов на Звездной, а пограничные посты Империи Веган.

Веганцы непредсказуемы. Бывает, они пропускают через Площадь Александра Невского спокойно. Тогда челноки, едва покинув владения Империи, снимают шапки и крестятся, радуясь удаче. Существует специальный ритуал, в ходе которого просят победителя тевтонцев, чье имя носит пересадочный узел, о спокойном проходе. Помогает, но не всегда. Бывает, что транзит превращается в настоящий кошмар. Документы могут просто не принять. Товар, хоть мешок с шампиньонами, хоть сапоги, перетрясут десять раз. Умные торговцы заранее отсыплют в специальный кармашек пяток патронов. Но тут тоже надо держать ухо востро: попадется офицер, не берущий взятки, а мучающий путников чисто для удовольствия, так за подкуп можно легко загреметь в камеру. И участь твоя в этом случае незавидна. Бывает, наконец, что на границе людей разворачивают без всяких объяснений. Просто так.

А еще в Оккервиле знают: Империя планирует расширяться. Тесно «зеленым человечкам», как называют здесь соседей, на своих шести станциях. Пристально следят их агенты за другими обитаемыми общинами, ищут слабые места в обороне, умело раздувают внутренние конфликты. Веганцы считают Оккервиль своим владением, просто временно занятым чужими. На Новочеркасской часто можно встретить офицеров Империи. Какие задания выполняют они, что ищут, за кем следят – не знает никто. Зато почти все понимают: однажды аннексия произойдет. И тогда шансов уцелеть у жителей немного.

Эта мысль не ужасает людей. Они к ней привыкли, как к хронической головной боли.

Но пока правобережный Альянс живет, цепляется за жизнь.

Укравкой посматривают жители на надпись, укрепленную в торце станции Ладожская: «Дорога жизни. 1941–1944», говорят себе: «Вот тогда был каюк. А сейчас терпимо», – и трудятся дальше, добывают свои сто двадцать пять грамм отрубей. Чаше, конечно, больше. Настоящий голод, сводящий с ума, низвергающий человека в первобытную дикость, Оккервилю не знаком. Люди работают на грибных посадках, на крысиных фермах, в мастерских. Караванщики время от времени уходят с нехитрым товаром на Площадь Невского. Заодно они уносят

и так называемый «секретный товар», а по сути главный источник благоденствия – галлюциногенные грибы с Улицы Дыбенко.

Про Веселый поселок, исправно снабжающий подземный Петербург галлюциногенными грибами, слышали все. Даже жители далекой Северной Конфедерации, отделенные от красной линии Размывом, иногда ходят на Выборгскую за этим товаром².

Ничего удивительного в такой популярности «веселого товара» нет: это самый быстрый и легкий способ раскрасить яркими красками безрадостные, унылые будни... На большинстве станций повседневная жизнь тяжела, опасна и, в конце концов, просто невыносимо тосклива. Никаких праздников, никаких приятных мелочей – только тяжелая, монотонная работа от рассвета до заката. В смысле, от того момента, когда администрация зажигает свет, и до его отключения. И так день за днем, год за годом – попробуй выдержи.

Тогда и появляются продавцы счастья, пронирливые торговцы, перекупающие товар у жителей Веселого поселка. Всего пара патронов – и жизнь преобразается, и отступает боль, и забываются все проблемы, и тело становится воздушным, и грязная холодная станция кажется дворцом султана... А потом волшебная сказка кончается. Вернуться туда поможет новая порция грибов. Стоить она будет на один патрон дороже.

«А как ты хотел, приятель? Тебя кто-то заставлял?»

Страшные проклятия сыплются на головы дельцов, распространяющих зелье по всем станциям подземки. Достается и самим грибникам. Исходя пеной, ломая руки и скрежеща зубами, клянут наркоманы день, когда в первый раз попробовали грибочки счастья, день Катастрофы и день своего рождения. Окружающие видят их страдания, содрогаются и дают себе слово не поддаваться искушению. Но приходит время, и у торговцев грибами появляются новые клиенты. И снова спешат по туннелям самые крепкие из обитателей Веселого поселка с полными мешками счастья. Ни Оккервиль, ни Империя Веган, через владения которых лежит путь курьеров-грибников, не чинят им препятствий, но и сами в этом товаре не нуждаются.

На «Черкасе», «Ладоге» и «Проспекте» хватает развлечений и занятий. Для молодежи – спорт и секции, для детей – школа и кружки, для взрослых – танцы и настольные игры. Шумно и весело отмечаются общие праздники.

– Делать Стасову нечего, – усмеваются начальники других станций, послушав рассказы о том, как налажен быт в Оккервиле.

– Зато мой народ дурию не мается и в петлю не лезет, – говорит председатель Совета и занимается дальше своим делом.

Так идут годы...

В две тысячи тридцатом году в общине возникла особая традиция. Ее ввел полковник Дмитрий Бодров, командир отряда самообороны. На всех жителей Оккервиля, достигших шестнадцати лет, налагалось обязательство: совершить вылазку на поверхность и убить мутанта. Начитанные люди называют эту охоту «обрядом инициации», а шутники – «кровавым крещением».

Имперские агенты отнеслись к нововведению с сильным подозрением. Они добились отмены охотничьих вылазок, надавив на Стасова. Почти весь две тысячи тридцать второй год экзамен не проводился, но зимой, аккурат в канун Нового года, глава Совета неожиданно снял запрет. На все вопросы представителей Империи ответ был один: «Это наше внутреннее дело». Юные охотники снова вышли на улицы города.

Одни молодые люди, как юноши, так и девушки, идут на поверхность с радостью, и потом подают прошение о вступлении в ряды сталкеров. Правда, берут далеко не всех – Святослав Рысев предъявляет к кандидатам очень высокие требования.

² Ирина Баранова, Константин Бенев. «Метро 2033: Свидетель». Астрель. 2013. Глава 21: «Марк или игры разума».

Другие ребята, начиная с пятнадцатого дня рождения, трясутся мелкой дрожью при одной мысли о скором выходе.

Третьи относятся к грядущему испытанию безразлично – дескать, надо будет, прогуляюсь, почему нет. Их спокойствие вполне понятно, жители метро знают: смертность во время этих вылазок стремится к нулю. Если кто-то и получает тяжелые увечья, то чаще всего по собственной глупости.

В каждый рейд отправляются, кроме самого новичка, еще опытный сталкер из отряда Рысева, а также боец самообороны. Оба с автоматическим оружием.

Местность в районе Ладожского вокзала за много лет превратилась в почти идеальный охотничий полигон. Хищники тут обитали относительно мелкие – в основном псы, выродки, земноводные, похожие на тритонов, и некрупные летающие твари. Но это не значило, что к первой охоте молодых людей не готовили и проводили все кое-как. Наоборот – те, кто успешно сдавал «экзамен», потом говорили товарищам, что тренировки куда тяжелее самой схватки.

Так случилось и с Григорием Самсоновым.

Круглый сирота, он жил на станции Проспект Большевиков и грезил службой в отряде сталкеров. Шансы воплотить мечту в жизнь у юноши имелись: в пятнадцать лет Гришу взял на обучение Денис Воеводин. Инструктор гонял подопечного почти год.

– Охота – фигня. А вот подготовка – ад, – рассказывал Гриша. Он совершил свою первую вылазку двадцать второго июня, в годовщину начала Великой Отечественной войны, и потому невольно оказался в центре внимания.

Гриша едва вернулся с поверхности, не успел переодеться. Он не собирался бахвалиться перед соседями, и долго отпирался, отмахивался. «Не галдите, дайте хоть поспать, с ног валюсь!» – упрашивал он друзей, но Гришу не отпускали. В конце концов, Самсонов согласился рассказать, как было дело. Он уселся на ящик из-под тушенки, служивший табуретом. Снял и спрятал красную ленточку. Этот знак отличия выдавали тем, кто успешно справился с экзаменом. Помолчал немного, ожидая полной тишины, и заговорил, задумчиво глядя поверх голов притихших парней и девчонок, внимавших каждому его слову:

– Меня Тигра тренировал. Денис Владимирович. Это его позывной.

– Именно «Тигра»? Не «Тигр»? – раздался вопрос.

– Точно так, – расплылся в улыбке новоиспеченный охотник. – В честь героя сказки, наверное. Если кто не в курсе, Денис – лучший сталкер. Самый сильный. Самый крутой. После Святослава Игоревича, конечно, – поспешно поправился он, заметив в толпе дочь Рысева, Елену. – Гонял меня, как сидорову козу. Так готовил, словно я сотню монстров должен уложить. Голыми руками. И не запачкаться при этом, ха-ха. А сама охота – это ерунда. Не успеешь испугаться – и ты уже снова в метро. Мне мало показалось, честно скажу. Еще хочется...

– Хочется чего? Крови? – осторожно уточнил один из слушателей, Митя Самохвалов.

Митя работал в столовой, помогал своим родителям-поварам. Питался он лучше многих, а работал меньше. Из-за этого Мите многие завидовали. Прозвище «Самосвал» приклеилось к нему еще пять лет назад, когда несколько раз упал, как говорится, на ровном месте, чем очень позабавил сверстников.

Гришу вопрос слегка смутил. Он нахмурился, почесал бритый затылок и произнес:

– Да нет, наверное... Как раз кровищу я не люблю. Но не в ней дело. Хочу снова увидеть мир, который мы потеряли. Да, он изменился. Сильно изменился. Но все равно там круто. Серо, страшно, но круто.

– Всяко круче, чем под землей киснуть... – подала голос Лена Рысева. Она сидела рядом с Митей и внимательно слушала рассказ новоиспеченного охотника.

Дочь командира сталкеров, работавшая медсестрой, тоже готовилась к своему первому рейду. Ей уже исполнилось семнадцать лет, но полковник не спешил посылать девушку в рейд.

На станции шептались, что отец Лены, воспользовавшись своим положением, уговорил отсрочить экзамен хотя бы на год. Другие говорили, что Рысеву потому не гонят наружу, что медики слишком редкие и ценные работники, и жертвовать ими неразумно.

– Точно-точно, – улыбнулся Самсонов, поглядывая украдкой на Лену.

Рысева была хороша собой, стройна, спортивна. Сразу привлекали внимание густые рыжие локоны, обрамлявшие миловидное лицо, с которого не сходила легкая улыбка. Большинство девушек либо сбрасывали волосы совсем, либо стригли очень коротко – сказывался дефицит воды и мыла. Но дочь сталкера могла себе позволить неслыханную роскошь: отпустить косу. Не удивительно, что подружки завидовали Лене, а юноши засматривались на нее. И Гриша не был исключением. Но подойти и заговорить Самсонов не решался. Все-таки дочь самого Рысева... К тому же Гриша Самсонов считал, что личную жизнь устраивать пока рано.

– А еще. Вы только не подумайте, что у меня с головой не все в порядке, – добавил Самсонов, помявшись. – Но когда я убивал эту тварь... Этого адского песика, брызгающего слюной... Когда я всадил в его уродливую морду две пули подряд, я понял, каково это – жить.

– Бред, – фыркнул Самохвалов.

– Нет, Мить, не бред, – произнесла тихо Лена, не сводя глаз с героя дня. – Я поняла, что он хотел сказать. Многие сталкеры и солдаты говорили примерно то же самое...

На этом маленькое событие, приковавшее внимание почти всех жителей «Проспекта», закончилось. Гриша улизнул в свою комнату отсыпаться, Митю позвали на кухню, остальные слушатели разбрелись кто куда.

Одна Лена осталась сидеть на корточках посреди станции. Она снова и снова прокручивала в голове рассказ Гриши, сопоставляла с тем, что слышала от других.

«Подготовка, значит, ад. А охота, значит, фигня, – размышляла Лена. – Что-то не верится. Сдается мне, Гришка просто пугать не хочет нас, будущих охотников. Отец говорит, что там везде ад. На каждом шагу. А папа знает, что говорит...»

«Кстати, этот Гриша интересный, – думала Лена, возвращаясь домой, чтобы приготовить ужин отцу. – Митя, конечно, тоже парень классный, добрый, обходительный. Но Гришка сильнее. Кстати, странно, живем на одной станции, каждый день здороваемся, и ничего друг о друге не знаем... А может, это и не странно. Тут, в метро, все люди с годами мебелью становятся. Но пока, – оборвала себя Лена, – главное – вылазка. Я должна справиться. Я. Должна. Справиться».

Она шла по гранитным плитам перрона, направляясь к входу в технические помещения. Именно там, в самом элитном, привилегированном «квартале» жилой зоны, располагалась их квартира, состоящая из двух крохотных комнаток: спальни и гостиной. Здесь имелись отдельный водопровод, душ, кухня. Обычные жители «Проспекта» пользовались общими удобствами.

Над головой смыкался закопченный свод станции, про который Святослав рассказывал с гордостью, что это – уникальная конструкция. «У всех просто своды, а у нас – видишь? С двумя карнизами!» – говорил он. Лене казалось, что предки могли бы украсить Проспект Большеви́ков как-нибудь еще, а так из всех станций, которые она видела в жизни, родной «Проспект» выглядел самым невзрачным. На Улице Дыбенко главным украшением была мозаика, изображающая женщину с ружьем. Ладожскую украшали изящные столбики, стоящие двумя рядами вдоль краев перрона, «Черкасу» – красивые люстры. На «Проспекте» – ничего. Но это не мешало Лене любить станцию всем сердцем.

И еще об одной интересной особенности рассказал отец дочери, когда ей было восемь. Лена тогда в первый раз побывала на соседних станциях, и, вернувшись, с детской непосредственностью заявила Святославу, что Проспект Большеви́ков – фигня и отстой.

– Во-первых, такие слова не употреблять! – напустился на девочку отец. – Чтоб я больше их не слышал.

– Соня так все время говорит, – оправдывалась малышка. – И многие другие. Даже взрослые.

– Вот только на других стрелки не переводи, – отец потемнел, точно грозовая туча. – Другие говорят, а ты не повторяй! Не повторяй, и все. Сонька – та без родителей растет, с мальчишками водится, девочки ее боятся. Да еще борьбой занимается, еще б она не ругалась. А у тебя я есть.

– А если ты уронишь на ногу молоток, пап, ты что скажешь? – прищурилась Лена, упорно не желая уступать в споре. Она не раз слышала, как ругается отец, в том числе очень грубыми словами.

На это Святослав ответил сухо:

– Тогда я скажу какое-нибудь матерное слово. Всяко лучше, чем отрывку какую-то изо рта выплевывать. «Жесть», «пипец», «ин нах» – это не слова, а инвалиды какие-то, кривые-косые. И вообще мала ты еще над отцом смеяться! – рявкнул он.

Лена испуганно закивала. С тех пор никогда, даже в беседе со сверстниками, она не употребляла не только «фигня», но и многие другие аналогичные словечки. Сначала было сложно, потом выработалась привычка, и Лена стала смотреть на тех, кто так и сыпал подобными словами, как на дурачков.

– Во-вторых, – добавил Святослав уже мягче, усаживая маленькую Лену рядом, – есть у нашей станции одна особенность. Такого нигде больше нет... Весной, когда солнце вставало над городом, его лучи по наклонному ходу проникали на станцию. И освещали перрон. Всего на несколько минут солнце проникало под землю. Но те, кто это видели, ахали от восхищения. Никакого чуда, просто так построили вестибюль. Вряд ли нарочно, скорее всего, так само собой совпало. Жаль, жаль, что ты этого никогда не увидишь...

Лена всхлипнула и зарылась лицом в грубую ткань отцовской куртки.

– Пап, а мы никогда-никогда не увидим солнце? – спросила Лена, всхлипывая.

– Вряд ли, милая. Вряд ли. Но, знаешь, дочка, солнышко очень соскучилось по нам. Правда-правда. Люди устроили Катастрофу, закрылись от яркого солнышка черными тучами. Ядовитый дождь полил землю, убил все живое. А люди спрятались в метро, в темноту и тесноту. Но знай: солнце ищет путь к людям, пытается пробиться сквозь черные тучи. И однажды этот день настанет. Тьма рассеется. Вот увидишь. Тьма рассеется.

– Я верю, папа, – тихо сказала Лена.

С тех пор прошли годы. Они оба изменились. Лена повзрослела, Святослав состарился. Но вера в их сердцах не угасла. Они ждали солнца. Они надеялись...

Святославу Рысеву недавно исполнилось сорок два года, по меркам метро он считался «пожилым». Но глядя на его статную фигуру, на безупречную выправку, на крепкие тренированные мускулы, сложно было дать сталкеру больше тридцати пяти. Рост Рысева составлял всего метр шестьдесят пять сантиметров, но вставать с ним в спарринг побаивались даже рослые бойцы отряда самообороны. Число рейдов, совершенных Рысевым, никто точно не мог сосчитать. Сам Святослав не проявлял интереса к подсчетам. Из всех этих вылазок Рысев возвращался не только живым, но и почти невредимым. Да и безвозвратные потери среди его подчиненных случались редко.

В глазах сталкера светился пытливый ум. Святослав Игоревич очень увлекался чтением, особенно любил научные труды, он забил ими половину спальни. Товарищи Рысева ничего в этом не понимали и потому с радостью отдавали командиру монографии и учебники, принесенные из рейдов. Некоторые фолианты нелегко было не то что дотащить до метро, но и поднять, зато у сталкеров никогда не возникало вопроса, что дарить командиру на праздники.

Так же, в строгости и уважении к наукам и труду, воспитывал Святослав Игоревич и свою единственную дочь Елену, недавно отметившую семнадцатый день рождения. Дочь росла девушкой сильной, здоровой, увлекалась спортом и постоянно выигрывала соревнования по бегу. К отношениям с молодыми людьми подходила серьезно, ответственно. Делу, которому решила посвятить свою жизнь – медицинской работе, – отдавала всю себя. В общем, у отца почти не было основания для огорчений.

Почти. Лишь одна ерунда не давала спокойно спать Лене и ее отцу... Девушка молчала, не жаловалась, но видела с каждым годом яснее и яснее: соседи по-черному завидуют Рысевым. Их особому положению, их привилегиям. И сердце Лены разрывалось на части от горечи и обиды каждый раз, когда она слышала за спиной толки и пересуды, слухи и сплетни. Отец о проблеме знал. Но завести с дочерью разговор на эту тему все никак не решался.

Лена шла по станции, минуя жилые хибары. Все знакомо до боли.

Вот два поезда, навеки застывшие на путях, один из которых за необычную форму кабины Лена называла «головастым», а другой, с двойными фарами, – «глазастым». Тут обитали более-менее состоятельные жители, а все остальные ютились в неказистых, но уютных домиках. Сновали туда-сюда прохожие, занятые каждый своим делом. Слышался стук молотка. Где-то плакал ребенок. Из другого конца станции доносилось тихое пение. Пахло чуть подгорелым мясом, детскими пеленками, мужскими носками... Обычный набор ароматов жилой станции.

– Доброго здоровья, красавица. Отцу кланяйся, – с улыбкой обратилась к девушке добрая старушка, высунувшаяся из дверей покосившейся хибарки.

– И вам не хворать, Ксения Петровна, – девушка обняла пожилую женщину.

– Привет, Рысь! – помахал ей мальчишка, возвращавшийся домой после уроков.

В школе обучали в основном тому, что могло пригодиться детям в жизни. Мальчикам преподавали слесарное, токарное, плотницкое мастерство. Девочек учили шить, вязать, готовить. Много внимания уделялось физической подготовке. Конечно, проводились и обычные уроки, например, математика, история и биология. Последнюю отец Лены называл в шутку «бестиарией». Там изучали не только обычных зверей, но и мутантов. По сути, с этих уроков начинался долгий, нелегкий путь будущего охотника...

– И тебе привет, отличник! – помахала Рысева в ответ. А про себя подумала: «Вот тоже кличку придумал. Рысь. Какая я рысь... Так, котенок пока».

Глядя на радостные лица школьников, выбегающих в проход из школьного помещения, Лена и сама развеселилась. Счастье наполнило душу девушки, точно терпкий дым ладана, окутывающий церковь во время службы. Хотелось оторваться от пола и взлететь под потолок, пробить своды станции, и выпорхнуть на улицу... На глаза Лене попались классики, аккуратно нарисованные на гранитных плитах, и Рысева, точно маленькая девочка, звонко смеясь, запрыгала с клетки на клетку.

– Раз, два, три, четыре... – считала она. – Десять, одиннадцать. Ух! Хорошо!

Вдруг безмятежная улыбка сошла с ее лица.

Краем уха Лена уловила за спиной шипение, напоминающее змеиное:

– Прыгай, коза, прыгай... Попрыгаешь там, на улице... Бережет папаша дочку-белоручку. Ничего, придет и твоя очередь, буржуйка проклятая.

Лена резко обернулась.

Завеса, скрывавшая вход в вагон, колыхнулась. Человек, только что стоявший там, успел скрыться. Но Лена знала свою станцию так хорошо, что могла с закрытыми глазами определить, где живет какая семья.

– А-а... Клавдия Родионовна... Змеюка старая, карга сварливая... – прошептала Лена, от обиды и ярости едва способная говорить. Слезы навернулись на глаза девушки. Кулаки сжимались и разжимались.

Точно в тумане, то и дело хватаясь за стены, добралась она до дома. Кое-как, на автопилоте приготовила ужин, накрыла стол, и рухнула на диван. Жгучую обиду сменила полная апатия. Не хотелось ни есть, ни пить. Даже думать Лена не могла. Она просто лежала, глядя в пустоту. И в душе ее царила пустота.

В таком виде ее и застал вернувшийся с совещания отец.

Святослав снял куртку, сапоги, уселся за стол, поковырял вилкой еду. Еще пять минут назад он ужасно хотел есть. Но сейчас кусок не лез в горло сталкеру. Рысеву показалось в какой-то момент, что на глаза его наворачиваются слезы... Или просто капля пота скатилась со лба, он не понял. Решительно отодвинув тарелку с остывающим рагу, Святослав встал. Пересел на кровать. Какое-то время молча смотрел на Лену, забравшуюся с головой под одеяло, пытаясь понять, что могло произойти с его жизнерадостной, улыбчивой дочерью.

– Что случилось, Лен? – спросил, наконец, Святослав Игоревич.

– Ничего, – ответила девушка, не оборачиваясь. Она надеялась, что сумеет совладать с эмоциями, и отец решит, что дочь просто устала. Но голос изменил Лене, предательски дрогнул. Короткое слово выдало ее с головой.

Святослав покачал головой. Откинул одеяло. Лена попыталась отвернуться, но отец резким движением усадил девушку. С минуту он пристально смотрел в глаза дочери, пытаясь проникнуть в самые дальние закоулки ее души. Лена не могла отвести взгляд. Словно зачарованная, смотрела она на суровое, покрытое редкими морщинами и частыми шрамами лицо единственного родного человека на всем белом свете. Эта безмолвная беседа продолжалась с минуту. Потом отец откинулся на подушку и произнес сухо:

– Что, опять с Соней поссорились?

– Да она тут при чем! – простонала Лена. – Я ее даже не видела сегодня.

За много лет, что Соня и Лена были на ножах, девчонка-хулиганка стала в их семье буквально воплощением порока и олицетворением опасности. Если Лена приходила домой помятая, с синяком под глазом, отец мог не спрашивать, что случилось. Сейчас обоим исполнилось по семнадцать, но неприязнь с годами не ослабла, хотя драться девушки давно перестали.

Святославу ничего не стоило один раз, еще много лет назад, серьезно поговорить с сиротой, вкладывавшей в кулаки обиду за свое одинокое детство, чтобы та раз и навсегда отстала от его дочери. Или применить административный ресурс. Он не делал это специально. Бесконечная борьба с Соней Бойцовой закаляла Лену.

– Выкладывай... – потребовал отец, видя, что причина похоронного настроения дочери глубже.

– Сегодня Самсонов экзамен сдавал, – собравшись с духом, начала рассказывать Лена. – Сдал, конечно. Вернулся такой... Такой героический. Порохом пропахший, с лентой. Мы слушали, затаив дыхание...

– Самсон молодец, давно готовился, – улыбнулся отец. – Но плакала-то ты почему?

– Эти тетки... Они опять начали шептаться, отец. Что я... Что я в метро отсиживаюсь, за твоей спиной прячусь. Что ты взятки всем суешь, чтобы меня не трогали. Да хоть бы они уже сдохли поскорее!!!

И Лена едва опять не разрыдалась.

– Истерику прекратить! – рявкнул на Лену отец. И добавил уже спокойнее, но с металлическими нотками в голосе: – Ты, Лен, вроде взрослая, голова на плечах есть. Стыдно. Стыдно так реагировать. Да пусть Клавдия Родионовна и остальные хоть горшком тебя называют. В печку бы не ставили, как в народе говорят.

– Да срать я хотела на то, что они про меня думают! – почти закричала девушка. – Они же тебя, тебя оскорбляют, папа! У меня сердце болит, когда я вижу, как они смотрят тебе в спину и шипят! Да что бы они жрали, если бы не ты и твои парни?! Свиньи неблагодарные!

Святослав почувствовал, как гнев в его душе улетучивается, уступая место легкой грусти. И гордости. В этот момент он в который раз почувствовал, что воспитал дочь правильно, что не допустил фатальных ошибок. Привыкшая меньше болтать, больше действовать, Лена никогда не говорила отцу, как сильно она его уважает и ценит. У них не принято было выражать такие чувства словами, объятиями и прочим. И вот сейчас, почти случайно, Лена раскрыла на краткий миг, зато во всей полноте то, что чувствовала она к отцу...

– Так вот оно что, – произнес Святослав, мягко улыбаясь, ласково поглаживая дочь по волосам. – Так вот почему ты рыдаешь... Ну тогда знай, милая, что мне мнение этих людей. Хм. С чем бы сравнить... Как слону дробинка. Помнишь, что такое слон? Ну вот. Думаешь, я затем наверх хожу, чтоб мне внизу аплодировали?

– Могли бы хотя бы уважение проявлять... – шмыгнула носом Лена.

– А! – махнул рукой отец. – Выбрось из головы эти мысли. Тебе, милая, тоже предстоит людям служить. И поверь, к твоему труду относиться будут не лучше. Подумай вот о чем. Ты часто замечаешь, как трудятся уборщики? Или те, кто вентиляцию чинят? Ты вообще задумываешься, как все это функционирует? Канализация там, отопление. Ты каждый раз, когда моешь голову, думаешь, кто ночами не спит, чтобы текла эта вода?

Лена подумала и с тяжелым вздохом покачала головой.

– Ну вот, видишь. Люди работают, исполняют свой долг. Для всех нас главная награда – то, что все это работает. То, что мы живем. А благодарность... Да, с этим в наши дни дела обстоят плохо. Только раньше, доченька, было не лучше. Но знаешь... Хотя я не все понимаю в христианском учении и не со всем согласен, но одна мысль мне нравится: добрые дела надо делать ради самих добрых дел. Потому, что так надо. Потому, что иначе нельзя. Не ради, как ты выразилась, уважения. Иисуса Христа, который нес это учение, отовсюду гнали, поносили и в итоге вообще на кресте распяли.

– Знаю. Читала, – кивнула Лена. – И очень злилась. Он людям помогал, а его – на крест...

– А злиться не надо. Вот ты пожелала теткам сдохнуть поскорее. Теткам хуже стало от слов твоих? Нет. А ты вся побелела от гнева. Тебе хорошо стало? Нет. Вот и не ори. Ты медсестра. Будущий врач. Клятву Гиппократова давать будешь. Тебе крикнут в лицо: «Не буду режим соблюдать, не хочу!», – и что ты сделаешь? В морду больному дашь?..

– Нет, конечно! – воскликнула девушка. – Как можно! Меня же тогда с позором выгонят!

– Ну, это как раз не факт. Кадровый вопрос у нас самый острый... Но и не похвалят, да. Учись терпению, Лен. Будь мужественной даже в самых обычных жизненных ситуациях. Поверь, чтобы терпеть несправедливые обиды, тоже нужно мужество. Еще какое.

– Сложно, – вздохнула Лена, опуская глаза.

– Ха. Конечно, сложно. Но если не начнешь – так и будешь рыдать из-за глупых сплетен. Будь выше этого. Будь выше, – и с этими словами Святослав крепко обнял Лену, прижал к себе. Так они сидели долго в полной тишине, слыша как гулко, глухо бьются их сердца. Постепенно стук сердец отца и дочери выровнялся. Тогда они встали с кровати и с аппетитом накупились на рагу, давно остывшее, но не ставшее менее вкусным.

– Как там наши соседи, наркоманы? – поинтересовалась Лена. Она слышала краем уха, что повышение платы за транзит вызвало ярость у жителей Веселого поселка и Василию Стасову с огромным трудом удалось уладить назревающий конфликт.

– Как-как... Бузят, – отвечал Святослав, флегматично теребя заусенец на большом пальце. – Но не волнуйся. Не попрут они против нас. Слишком деградировали за двадцать лет. Вот уж кого-кого, а наркоманов нечего бояться.

Лена кивнула, соглашаясь с доводами отца, и на миг закрыла глаза, воскрешая в памяти свой первый визит на соседнюю станцию, состоявшийся двенадцать лет назад...

* * *

– Папа, а почему нам нельзя ходить в Веселый поселок? – канючила пятилетняя Лена, дергая отца за рукав куртки. – Скажи, только честно, правда ли, что там никто не работает, все с утра до ночи поют и веселятся?

– Это кто ж тебе такое рассказал? – удивленно вскинул брови Рысев-старший.

– А... – неопределенно махнула рукой дочка. – Неважно. Что, скажешь, врут? Ты же наверняка там иногда бываешь. Может, и я с тобой схожу?

– Нет, дочка, пока рано тебе к соседям ходить, – усмехнулся Святослав Рысев, потрепав Лену по макушке.

– Папа, ты боишься за меня? Не надо! Со мной ничего не случится, мы же вместе пойдем! И я ничего не боюсь! Я уже не маленькая, мне целых пять лет! – девочка топнула ножкой. – И в Веселом поселке я жить не останусь! Клянусь, ни за что! Только посмотрю – и обязательно вернусь обратно.

– Какая же ты еще наивная, – покачал головой отец. – Ты не знаешь, сколько опасностей таит в себе большое метро.

– Папочка, ты не путай. Большое метро – это туда, – Лена мигом нашла изъясн в логике отца, указала сначала в одну сторону, потом в другую, – а Улица Дыбенко – туда.

На это Святослав не нашел, что ответить.

«В самом деле, – подумал он, – девочка уже достаточно взрослая. Пора бы ей посмотреть, как живут люди на других станциях. Засиделась Ленка на станции. Ей-богу, засиделась. Эх, была – не была. Покажу ей реальную, мать ее, жизнь».

На следующий день отец и дочь отправились в путь.

Узнав, что заветная мечта исполняется, Лена прыгала чуть ли не до потолка и едва могла дожидаться вечера, когда отец закончил все дела и повел ее на Дыбенко. В туннеле девочка все время обгоняла отца, забегала вперед. Ее частые шаги звучно раздавались под сводами туннеля. Девочка вся была во власти фантазий и гадала, что же такое они там могут увидеть.

– Там наверняка много мальчиков и девочек, – тараторила она без умолку. – И их родители работают не весь день, как у нас, а только до обеда. Потом они вместе играют...

– Посмотрим, дочка, может быть и так... – соглашался отец, загадочно улыбаясь.

Про себя же Рысев думал с тревогой: «Приплыли. В воспитании дочери допущена непростительная ошибка. Ленка растет сильной, крепкой, здоровой, это хорошо, но жизнь и людей не знает вообще. Для нее весь мир – наша спокойная, тихая станция. Ничего другого она не видела. Ни лжи, ни предательства, ни злобы, ни страданий. И хорошо ли это, вот вопрос. И кто в этом виноват? – послал он вопрос в темноту, и сам же ответил: – Ты и виноват, Слава. Эх, тяжелое это дело одному дочь растить... Если бы пацан родился, проще было бы, ей-богу».

До Улицы Дыбенко оставалось уже немного, когда уши путников уловили какой-то отдавленный шум, а к обычному в туннелях запаху сырости и плесени добавился еще какой-то странный аромат, вызывающий легкое головокружение. Лена опять убежала вперед и скрылась за поворотом туннеля. Святослав поспешил догнать дочь: он знал, что опасности грибки не представляют, но перестраховаться не мешало. На всякий случай он даже захватил с собой пистолет. Пение становилось громче.

– Мы рождены-ы, чтоб сказку сделать бы-ылью!³ – выводил нестройный хор.

³ «Марш авиаторов», музыка Ю.А. Хайта, слова П.Д. Германа, 1923 г.

«Сделали. Франца Кафку сделали былью, блин», – с грустью покачал головой Святослав, вспомнив творчество чешского писателя, которым зачитывался в юности. Воспитывая Лену, он от подобной литературы благоразумно отказался, хотя в их библиотеке чего только нельзя было найти.

– Ну вот, я же говорила: у соседей весело! – подпрыгнула от радости Лена. – Мы идем на праздник!

Девочка еще не поняла, что они уже вошли на станцию. Песня звучала все громче. Лена потянула отца за руку.

– Папа, пойдем скорее на станцию! – засуетилась девочка.

– Дочка, мы уже пришли, – произнес Святослав. – Приглядишься.

Лена застыла на месте и удивленно оглядывалась.

Блокпост на Дыбенко отсутствовал.

На уровне шеи девочки проглядывал из мрака край перрона. Двумя ровными рядами уходили вдаль колонны. Некоторые из них были шире остальных.

Между опорами кое-где тускло светились аварийные лампочки зловещего красного цвета, еле разгоняя темноту. Нормальное освещение не работало. Привычного ряда палаток и домиков на платформе не было.

Дыбенко почти не отапливалась, тут было так же холодно, как и в туннеле. Зато все обозримое пространство подземного зала, включая пути, занимали огромные плантации грибов. В воздухе висело плотное амбре, состоящее из запахов прелой земли, удобрений, человеческого пота и еще бог знает чего. Лена зажала нос.

– Фу, ну и воняет, – фыркнула маленькая Рысева.

Они взобрались на перрон и осторожно, чтобы не растоптать грибы, двинулись по узкой тропинке среди плантаций. Уродливые белые шляпки торчали со всех сторон, словно головки гномов.

В тусклом свете лампочек мелькнуло между колонн название станции. Некоторые буквы осыпались, и вместо «Улица Дыбенко» на стене красовалась надпись: «Улица ыб. ко». Лена, увидев это, громко засмеялась, Святослав тоже улыбнулся. Когда он навещался к соседям в последний раз, букв было на одну больше.

Святослав заметил движение на одной из плантаций. Он крепче взял дочку за руку и повел вперед. Лена послушно шла рядом с отцом. Рядом с широкой опорой с изображением серпа орали песню местные жители. Трое. Все как на подбор, немые, небритые, кривоzubые. Именно их пение сопровождало Лену и ее отца еще в туннеле. Но это было вовсе не веселое музицирование, а скорее какое-то завывание.

– Кра-асная а-армия всех сильней!⁴ – горланили грибники.

Торжественный гимн, прославлявший силу и мощь вооруженных сил, звучал в их исполнении как злая насмешка. У самого Веселого поселка солдат не было. Совсем. Их безопасность гарантировал полковник Бодров.

Грибники безразлично смотрели на гостей. Им не было дела до того, что кто-то чужой пришел на «Дыбенко». Лишь один местный житель, седой старичок, напоминающий гриб-сморчок, выглянул из-за колонны, смерил Святослава и Лену подслеповатым взглядом, пошамкал беззубым ртом, и изрек:

– Вы... Эта самая... За таваром?

Святослав отрицательно помотал головой. Старичок развернулся и, слегка подволакивая левую ногу, скрылся в полумраке. Больше никто к ним даже не подошел. И прогонять их, к радости Рысева, никто не собирался.

⁴ «Белая армия, Чёрный барон», С. Покрасс, П.Г. Горинштейн, 1920 г.

– Ну, Леночка, смотри, – обратился Святослав к дочери. – Вот он, Веселый поселок. Во всей красе.

В двух шагах от них несколько человек, одетые в живописные лохмотья, медленно двигались среди грядок, собирая грибы в сумки, висевшие через плечо.

– Папа, – Лене стало вдруг тошно. – Они что, болеют? Какие они бледные! И хилые! Наверное, им надо помочь? Может, их в наш спортзал пригласить?

– О да. Болеют, – последовал ответ. – Но в спортзал, милая глупышка, их не загнать. И наши лекарства им не нужны. Свои имеются.

– Веселые грибы? – чуть слышно произнесла девочка.

– Веселые грибы, – кивнул отец. – Выращивают, продают... И сами не брезгают.

Теперь Лена поняла, почему так жалко и заброшенно выглядела станция – ее обитатели просто не обращали ни на что внимания. Не заботились о том, чтобы наладить освещение и отопление. Не строили нормальные, крепкие дома. Жили, как придется.

– Они могут жить, как короли из сказки... – прошептала девочка, в очередной раз споткнувшись; в проходах между грядками валялось много мусора.

– Еще бы. Конечно. Мы вот на одну плату за транзит лучше обустроились. Просто им лень, доченька. И потом... Ты уж прости, но скажу честно: сидеть в дерьме только первое время противно. А потом привыкаешь, даже начинает нравиться. Мы сразу вылезли. И приморцы тоже. А остальные так там и остались.

Отец произносил обычные, в общем-то, слова. К пяти годам Лена уже не раз слышала из уст Святослава грубые выражения, слово «дерьмо» не испугало ее. А вот сам рассказ об истории Веселого поселка привел девочку в такое уныние, что она едва не разрыдалась. Но сдержалась. Покорно поплелась Лена следом за отцом, который, словно бы не видя, как расстроился ребенок, вел ее дальше и дальше мимо россыпей белесых грибов и таких же бледных жителей.

– Папа, пойдем отсюда. Ради бога, пойдем, – едва выдавила из себя девочка.

Отец возражать не стал, хотя и отпустил язвительное замечание: «А кто сюда столько времени рвался, а? Точно не я». Но Лена ничего не ответила. У нее не было сил спорить. И вообще говорить. Лена молчала до тех пор, пока красноватые отсветы станции не скрылись за поворотом. А потом остановилась, развернулась, и спросила, глотая горькие слезы:

– Папа, почему это происходит рядом с нами?

– Это независимая станция, мы в чужие дела не лезем, – отвечал Рысев с напускным равнодушием, примерно так же он говорил на совещаниях. – И потом, они исправно платят за транзит. Не будет транзита – и всему, к чему ты привыкла дома, конец. Помни об этом.

– Но папа! Папа, ведь они убивают других людей! У-би-ва-ют!!! – почти кричала Лена. – Как вы можете быть такими злыми, папа?!

Она не выдержала и заплакала навзрыд. Даже стукнула отца в грудь маленьким кулачком. Святослав не отстранился, лишь крепче прижал к себе Лену. Фонарь, который он поставил рядом на гнилую шпалу, освещал небольшой пятячок туннеля ровным, холодным светом.

– Хватит, не реви. Такой сейчас мир, дочка, – шептал отец. – Все выживают, как могут. Это жестоко. Но это жизнь. Привыкай, милая.

– ...по плану-у-у! – промышчал кто-то за их спинами, точно посылая последнее «прости» вслед уходящим гостям.

Похожая на сомнамбулу, Лена плелась обратно на Проспект Большеви́ков. Даже плакать она больше не могла. Голова девочки была пуста. Слишком сильным оказалось потрясение, слишком тяжелым удар...

Молчал и Святослав. Но он был спокоен.

– Точно. Все по плану, – рассуждал отец. – Теперь доченька пересмотрит многое в своем отношении к жизни. Как отойдет немного, отведу Ленку на «Черкасу». Пусть поглядит на местную солдатню. Тогда и ценить то, что имеет, будет больше...

* * *

Прошло еще две недели, и вот станции Альянса облетела долгожданная новость: полковник Бодров назначил для Елены Рысейвой дату экзамена: четвертое июля.

Глава 2

Первая кровь

Ладожский вокзал, самый «молодой» и самый необычный в Петербурге, всегда вызывал у людей смешанные чувства – и у коренных жителей, и у приезжих.

С удивлением глядели путешественники, в первый раз вышедшие из вестибюля метро или из дверей прибывшего поезда, на многоуровневую конструкцию из стали и стекла. Трубы, напоминающие паровозные, торчали между треугольными крышами главного зала. По бокам возвышались круглые башенки с прямоугольными окошками-бойницами. Складывалось впечатление, что кто-то взял два форта времен Петра I и втиснул между ними конструкцию в стиле модерн, в придачу стилизовав крышу под крестьянские избы.

Кто-то считал, что творение архитектора Явейна смотрится красиво, смело и современно. Кто-то морщился и ворчал: «Это не вокзал, а уродство какое-то». Специалисты утверждали: Ладожский вокзал – один из самых передовых в Европе и чрезвычайно грамотно спланирован. Все возможные виды транспорта, начиная с поездов дальнего следования и заканчивая такси, соединены галереями и переходами в одну систему. Надо пересечь с метро на трамвай – сделал пять шагов, и готово. Удобно, быстро, надежно. Красота же – дело вкуса.

Так обстояли дела раньше.

Сейчас, через двадцать лет после глобальной катастрофы, грандиозное здание представляет собой печальное зрелище. Разруха, запустение царствуют здесь. Почти все стекла вылетели, а те, что чудом удержались во время взрывов, осыпались впоследствии под воздействием стихии.

Балтийский ветер гуляет по залам, заваленным горами битого стекла, завывает в вентиляционных решетках, гоняет из угла в угол комья пыли и обрывки бумаги. Навеки потухли информационные табло, сообщавшие толпящимся в зале пассажирам, на каком пути их ждет нужный поезд. Не стоят у входов и выходов бдительные стражи порядка. Кафе и ресторанички не заманивают посетителей яркими вывесками, приглашая скоротать время ожидания за чашечкой кофе... А сложная, многоуровневая конструкция, напоминающая карточный домик, обрушилась, погребя под собой и пассажиров, и полицейских, и официантов. Огромной братской могилой стал Ладожский вокзал для всех, кто оказался в тот страшный час в здании и не успел укрыться в метро.

На подъезде к терминалу со стороны области вот уже двадцать лет ржавеют десятки смятых, искореженных поездов. Пассажирских, почтовых, грузовых... Безобразная «куча-мала» из ржавого металла, гор щебня, песка, бревен и прочего груза, высыпавшегося из товарных вагонов. Зловещий памятник страшной железнодорожной катастрофе, случившейся тут через считанные минуты после падения за городом первых бомб. Столкнувшиеся составы напоминают зверей, мчавшихся на водопой и попавших под огонь охотников. Часть вагонов сошли с рельсов и лежат теперь на боку или колесами вверх. Некоторые вылетели с путей и, протаранив перегородки, отделявшие пути дальнего сообщения от пригородных путей и шоссе, врезались в трамваи, автобусы, грузовики... Другие поезда столкнулись лоб в лоб. Они напозают друг на друга, точно пытались вырваться из мясорубки, забравшись на спину товарища. Один вагон и вовсе застыл почти вертикально, будто в последний миг предпринял отчаянную, безумную попытку взлететь...

Сколько тут погибло людей – страшно представить. Останки их давно растащили хищные звери и птицы, поселившиеся в здании вокзала и развалинах магазина. Они обглодали каждую косточку – с едой в новом суровом неприятном мире было тяжело. Лишь кое-где среди груд металлолома до сих пор виднеются клочья одежды.

Идут годы. Хлещут дожди. Свирепствуют на невских берегах ураганные ветры. Стелятся по земле туманы. Зимой снег бережно скрывает мягким пуховым покрывалом уродливые развалины. Затем он тает, и зловонные лужи неделями стоят в подвальных помещениях. Здание разрушается все сильнее. Ветшают перекрытия, ослабевают крепления. Медленно, но неумолимо крошится бетон, ржавеет металл.

Город умирает. Умирает вокзал.

И лишь одно строение, кажется, не спешит разделить общую участь. С северной стороны к развалинам Ладожского вокзала жметя приземистое сооружение мышиного цвета. Одноэтажное здание, похожее на блиндаж или ДОТ; неприметное, неброское, лишенное всяких архитектурных особенностей... У туристов и фотографов этот домик вызвал бы разве что вялую зевоту. Зато и отваливаться оказалось просто нечему, поэтому здание почти не изменилось.

В отличие от всех окружающих строений, оно выглядит обитаемым.

Тут валяются стреляные гильзы. Там среди грязи и мусора отчетливо виднеется цепочка следов. Ржавые остовы автомобилей, мусорные баки, разбитые платежные терминалы возле этого строения сложены в строгом порядке, образуя нечто вроде брустверов. Между ними из обломков бетона люди соорудили крытые переходы. Вместо разбитых стеклянных дверей вставлены стальные щиты. Стаи голодных псов раз за разом предпринимают упорные попытки прорваться сквозь эти заслонки, но отступают, несолоно хлебавши. Изящная, витиеватая буква «М» висит над входом.

Все мутанты, обитающие в окрестностях, знают: от этого сооружения лучше держаться подальше. Двуногие существа, обитающие в нем, убивать умеют.

* * *

За несколько часов до вылазки Иван Степанович Громов, инструктор Лены, поднялся наверх, и сообщил, что погода отличная. Но когда Громов, Рысева и третий участник охоты, солдат самообороны Эдуард Вовк, поднялись в вестибюль, оказалось, что ветер пригнал непонятно откуда такой густой туман, что в двух шагах ничего не было видно. Громов постоял у смотрового окошка, пытаясь понять, что происходит снаружи, и покачал головой.

– Ни зги не видно. Ждем, – объявил он.

Они сняли противогазы, сложили оружие и расположились в небольшом помещении возле шлюза. Тут стояло несколько лавок. На одну присел Громов, который время от времени подходил к окну, проверял, не рассеялся ли туман. Вторую лавку заняли Лена и Эдуард. Вовк никуда не бегал, сидел спокойно, вытянув ноги, надвинув капюшон на лицо, и напевал тихонько: «А нам все равно, а нам все равно». Лена решила, что это лучшая ситуация для первого личного разговора с Эдуардом. Рысева почти ничего не знала о нем, кроме одного факта: Вовк и Громов перебрались в Оккервиль весной две тысячи тридцать третьего года, а до этого жили в Большом метро.

Иван Степанович немного напоминал Эрвина Роммеля, немецкого военачальника времен Второй мировой войны. Лена видела фотографию этого генерала в учебнике истории и, встретившись в первый раз со своим инструктором, просто глазам не поверила. Сходство было поразительным: средний рост, далеко не атлетическое телосложение, непропорционально большая голова, хитрый прищур спокойных, мудрых глаз... Иван Степанович скорее напоминал профессора или школьного учителя, чем бывшего сталкера. Позывной Громова, «Лис», тоже воскрешал в памяти офицера Вермахта, прозванного Лисом Пустыни.

Его друга Вовка она видела во второй раз в жизни. Эдуард производил впечатление большого весельчака и болтуна, так что расколоть его казалось задачей не трудной.

– Вас часто посылают на сопровождение? – осторожно спросила девушка. Из всех вопросов, которые ей хотелось задать, этот выглядел самым безобидным и идеально подходил для завязки разговора.

– Ну, так, – улыбнулся в ответ Эдуард, откидывая капюшон и поворачиваясь к Лене. – Раз в месяц точно. Как-никак опыт-с имеется. Это сейчас я пенсионер, блин. А когда-то... – он мечтательно зажмурился. – А когда-то мы с Иваном мутантов голыми руками рвали...

Вовк был человеком, как любил говорить отец Лены, из совсем другого теста. Рослый, мускулистый, улыбчивый. Рубаха-парень. Позывной «Волк», данный ему благодаря фамилии, не вполне отражал характер Эдуарда – скорее он напоминал веселого дворового пса, готового верно служить хорошему хозяину... Но и драться Волк умел ничуть не хуже Лиса.

Громов проворчал из своего угла что-то неразборчивое, но мешать товарищу не стал.

– А почему сейчас вы этот... Пенсионер? – поинтересовалась Лена. Вопрос звучал немного нетактично, Рысева понимала это, но никак не могла взять в толк, почему такой опытный сталкер превратился у них в обычного караульного.

Эдуард грустно вздохнул. Слегка ссутулился. В глазах его застыла боль.

– Травма, мать ее. Спину повредил. Год назад дело было. И если б в бою с тварями! А то – обычная драка... Я на станции Парк Победы жил тогда. Ее в метро «Папа» называют, прикинь?

– Забавно, – девушка из вежливости попыталась улыбнуться, но грусть Вовка передалась и ей. В помещении стало как-то неуютно, даже лампочка как будто потускнела...

– Станция нищая, народ голодный живет и потому шибко злой. Ну, вот и решила местная шпана мое имущество разделить по-честному. Возвращаюсь поздно вечером домой, а у меня в квартире идет экспроприация.

– Что идет? – моргнула Лена.

– Ну... Это. Извини, я люблю иностранные слова, есть такой грешок за мной. Грабеж идет. Я им, гадам, конечно, навалю так, что мама не горюй, но и сам получил. Какой-то смельчак сзади по спине саданул, пока я его товарищу прописывал. Да... Сюда-то я дошел, все нормально! Вот Громов может рассказать, как я лихо по дороге мутантов крошил, только ключья летели.

Громов ничего не сказал, лишь коротко кивнул. Перед выходами на поверхность он вообще почти не говорил, пребывал в состоянии глубокой сосредоточенности. Со стороны казалось, что у инструктора плохое настроение, но Лена знала – Иван Степанович просто боится упустить какую-нибудь важную мелочь. Опыт подготовки охотников у него был небольшой, Лена стала четвертой «дипломницей» Громова.

«И я, и он – новички, забавно. В этом мы похожи, хоть я Ивану Степановичу в дочери гожусь», – думала девушка, поглядывая на наставника.

Эдуард мечтательно улыбнулся, вспоминая свою последнюю схватку с монстрами, но тут же поник.

– Но обмануть наших эскулапов не удалось. Полковник был неумолим. Нельзя, говорит, с такой спиной сталкером работать. Стрелять могу, а вот грузы таскать и марш-броски совершать по руинам – нет. И все дела. Так шо я тепереча пенсионер, – Эд скорчил утомительную гримасу и запричитал надтреснутым голосом: – Эх, молодежь! В наши-то годы, о-хо-хо!

«Все-таки чувство юмора – чудесный дар. Другой бы в депрессию впал. Шутка ли, вся карьера насмарку. А он ничего, держится», – размышляла девушка, слушая рассказ бывшего сталкера. Вслух же она сказала: – Послушайте, Эдуард...

– Называй меня просто Эд! – попросил Вовк, мигом перестав кривляться. Он почему-то не любил свое полное имя.

– Хорошо. Эд. Я вот чего понять не могу. Вы же говорите, что на Парке Победы народ жил голодный и озлобленный...

– Ну, – кивнул Вовк, с интересом ожидая дальнейших рассуждений девушки.

– А зачем вы там поселились? Разве нет в метро станций, где не совершаются эти... экспозиции... Не грабят, в общем?

Иван Степанович, ворчавший: «Нашли время болтать», сменил гнев на милость, стал вслушиваться в их беседу. Услышав вопрос Лены, Громов впервые за весь день широко улыбнулся. Он подмигнул Эдуарду, и произнес, едва сдерживая смех:

– А девчонка-то права, Эд. Я тебе то же самое говорил. Вот я прописался на «Невском» и, черт возьми, не прогадал. Да, в Альянсе не погуляешь толком, за каждым чихом следят, зато меня не обокрали ни разу.

Вовк с покаянным видом опустил голову и произнес, не поднимая глаза на друга:

– Твоя правда, Лис. Сэкономить я решил. На «Папе» снять угол копейки стоило... Сэкономил.

– Скупой платит дважды, – прокомментировал Иван Степанович и направился к окошку.

Некоторое время они молчали. Иван всматривался в белесую мглу, все так же окружавшую вестибюль Ладожской. Эд вспоминал минувшие годы и тихо вздыхал. Лена прокручивала в голове беседу, пытаясь разложить по полочкам все, что узнала за эти пять минут. Из того, что знала девушка о своих наставниках, она сделала вывод: будь в Большом метро все хорошо, не удрали бы они оттуда, не решились бы прорываться через весь город и переплывать на утлой лодочке могучую Неву. Они убегали. Убегали от полной безысходности. А значит, и беседа на эту тему едва ли была бы для Ивана и Эдуарда в радость. Так и вышло. И все же девушка не смогла вот так просто сдать и свернуть беседу. Рысева собрала с духом, и произнесла:

– А есть ли место в метро, где жить хорошо?

– Как-как ты сказала? – слегка нахмурился Эдуард. – Кому в метро жить хорошо? Хм... Вопросец-то каков, а? Лис? А, Лис? Чем не продолжение для книги господина Некрасова?

– А то ты ее читал, – скривился Громов.

– Не читал, твоя правда. Но название слышал. А ты, Лен, зришь в корень. Ответ на твой вопрос есть, тока тебе он не понравится. Нет такого места, милая.

Иван Степанович мрачно кивнул и отвернулся.

– Везде дерьмо, а не жизнь, уж поверь, – продолжал Вовк. – Где-то оно воняет сильнее, где-то слабее. Но по сути одно и то же.

– Все так плохо? – понурилась Лена. Примерно такого ответа она и ждала, разве что не такого жесткого. Но Эдуард, как обычно, за словом в карман не полез.

– Не плохо. Просто дерьмово, – солдат закрыл глаза и откинул голову. – Одни в мракобесие ударились. Ну, там, туннель до Москвы роют.

– Что?! – Лена чуть не упала со скамейки.

– Ага. Лет через сто, может, и докопают. Другие психи кустикам поклоняются. А есть еще такие веселые ребята, которые всех, кто к ним попадет, зрения лишают. И станция у этих последних, ты прикинь, называется Проспект Просвещения⁵! – Эдуард расхохотался так, что Громов шикнул на него, мол, мутантов распугаешь.

– Зачем зрения лишают? – ахнула Лена.

– Как это «зачем»? Всеобщее равенство, гы-ы. Можно сказать, борцы за справедливость. В их понимании.

Иван фыркнул и матюгнулся себе под нос, но встречать в разговор не стал.

– Другие воюют постоянно, глотки друг другу рвут. Третьи просто сидят по уши в этом самом и лениво булькают.

– А у нас? – едва слышно проговорила девушка.

Вопрос этот казался ей опасным. Все же и Громов, и Вовк попали в их общину недавно, в марте этого года. Пришли вместе с группой Молота. Услышать «независимое мнение» очень

⁵ Шимун Врочек. «Питер». Астрель. 2010. Глава 11: «Про свет».

хотелось, и в то же время Лена боялась ответа. Боялась, что Вовк фыркнет и процедит: «Да тоже дерьмо одно». Но ответ Лену приятно удивил, даже обрадовал.

– Ну, тут еще ничего, – зажмурился от удовольствия Вовк. – Оккервиль – место, где все более-менее ок-кей, хых. А ты как считаешь, Лис? – повернулся Эд к товарищу.

– Нормально тут, – сухо отвечал Громов. – Дмитрию Александровичу честь и хвала. Сумел людей организовать. Да только ненадолго это все...

– Верно, – согласился Вовк, хорошее настроение его улетучилось, рассеялось, точно туман; Эд снова был мрачен и серьезен. – Начнет Веган тотальную войну, тогда всем конец придет. И мы тут, дорогая моя, не отсидимся.

– Но полковник не дурак, он это все видит и понимает. Поэтому мы и заставляем всех поголовно убивать учиться, понимаешь? – Громов отошел от окна и присел рядом с Леной на корточки. Он говорил, повторяя снова и снова слово «понимаешь», точно гипнотизируя ученицу. И слово действовало. Лена не решалась выдохнуть, не то что шевелиться.

– Поэтому и гоняем вас до кровавого пота на тренировках, понимаешь? Чтоб был хоть какой-то шанс устоять против Империи. И победить. Понимаешь?

Лена быстро закивала. Потом осторожно проговорила:

– Знаете, я как-то разговорила на эту тему с лейтенантом Ларионовым. Так вот, он считает, что у нас нет ни единого шанса устоять...

– Очень может быть, – слегка помрачнел Вовк. – И что теперь? Капитулировать заранее? Самим зеленожопых пригласить: «Оккупируйте нас, пожалуйста»? Так, что ли?

Лена энергично замотала головой.

– Ларионов – пессимист, – добавил Иван Степанович. – Он не понимает, что на войне главное не оружие. Боевой дух – вот что важнее всего. А с этим у нас все в порядке, уж поверь.

– А туман-то рассеялся! – воскликнул Вовк, выглянувший в это время в окошко. – Пора.

Охотники поспешно проверили оружие, снаряжение, и минуту спустя дверца, отделявшая метро от поверхности, распахнулась. Вцепившись в ружье, ни жива, ни мертва от страха, Лена Рысева в первый раз в жизни шагнула на зловещую, таинственную поверхность...

Лена слышала две противоречивые точки зрения на то, как правильно делать первый взгляд на небо. Некоторые люди, побывавшие наверху, утверждали, что лучше не тянуть, сразу поднять глаза, испытать шок и потом постепенно отходить.

– Вокруг павильона все равно безопасно. Ну, покрутит тебя пару минут, потом зато легче будет, – говорили они в защиту своей версии.

Иван Громов, равно как и Денис Воеводин, и отец Лены этот вариант категорически отвергали.

– Нет на поверхности безопасных мест, запомни это! – наставлял Лену Иван Степанович. – Поэтому глаза поднимать надо постепенно, в несколько этапов. Сразу голову не задирать. Сейчас покажу, как.

Денис Воеводин, проводивший занятие рядом, поддержал товарища.

– Нельзя выпадать из реальности ни на минуту, – заговорил он, усаживаясь рядом с Леной на корточки. – Особенно если ты член отряда. Тебя, значит, плющит и колбасит, у тебя, значит, головушка кружится, а остальные должны твою задницу охранять в это время? Так, что ли?

Лена энергично замотала головой, и с тех пор, услышав разговоры тех, кто отстаивал первую точку зрения, лишь усмехалась.

В теории все казалось легко. На практике оказалось невероятно сложно.

Едва Лена следом за Громовым шагнула на выщербленный асфальт, покрытый мусором и грязью, как тут же ее неудержимо потянуло взглянуть вверх. Но Лена мгновенно взяла себя в руки – сделала несколько глубоких вдохов, чтобы выровнять учатившийся пульс, быстро осмотрелась, не прерывая движения.

Площадь, на которую вышла группа, представляла собой огромную свалку самого разнообразного мусора. Ее окружали полуразрушенные здания, просвечивающие насквозь. Сквозь них было видно что-то серое. Лена решила, что это и есть небо.

«И что в нем страшного?» – подумалось девушке. Но она усилием воли отбросила лишние мысли и крепче сжала ружье.

На одном из зданий Лена увидела надпись: «Букоед». Короткое словечко, написанное корявыми, нелепыми буквами, вызвало у нее взрыв смеха.

«Чё? Букоед? Бук ест?» – фыркнула Рысева. И тут же получила чувствительный тычок кулаком в спину. Эдуард, шагавший следом, внимательно следил за подопечной. Только тут вспомнились Лене слова инструктора:

– За мыслями следи строже, чем за глазами. Не давай им мельтешить.

Обругав себя за оплошность, охотница двинулась дальше.

Асфальт был покрыт буграми и трещинами, словно сквозь него пытались прорваться наружу какие-то живые существа. Присмотревшись, девушка поняла, что так и есть – на волю пробивались растения. Корявые, страшные, но вроде бы безобидные. Чуть в стороне стоял покосившийся грузовик, на боку которого Лена увидела выцветший плакат: «Акция: книги людям!».

– Хорошая акция, – прошептала Рысева, – вот бы отцу подарок прихватить...

Но она отлично понимала: сталкеры давным-давно поучаствовали в акции, и если что и оставили, то разве что мусор или налоговые кодексы.

Возле книжного грузовика они остановились. Иван занял позицию возле перевернутого банкомата. Эд пристроился около мусорного бака. Лена, четко следуя приказам инструктора, полученным до выхода, укрылась за огромной каменной чашей, некогда служившей цветником. Свое оружие, удобное, простое в обращении ружье ТОЗ-34, Лена держала наготове. Пока, к счастью, стрелять было не в кого. Ее указательный палец то и дело, точно сам собой, тянулся к спусковому крючку.

«А ну уймись, псих! Не хватало еще пальнуть в пустоту, – приказала она пальцу и добавила, чтобы успокоить сама себя: – Мне две секунды надо, чтоб прицелиться. Не замешкаюсь».

В это время Громов повернулся к Лене и показал пальцем наверх.

«Пора», – поняла девушка, протерла слегка запотевшие окуляры противогаза и начала медленно поднимать глаза. Взгляд Лены скользнул по фасаду огромного торгового центра. Почти все стекла давно вылетели, но часть застекления все же чудом удержалась. Здание имело такой угол наклона, что небо в нем почти не отражалось. Зато видны были площадь, горы хлама, грузовик, сама Рысева... И еще нечто хмурое, унылое, невзрачное, расстилавшееся надо всем этим.

«Это оно», – поняла Лена, сделала глубокий вдох и посмотрела наверх.

Бескрайнее серое море открылось ее глазам. Сквозь стекла противогаза девушка видела лишь маленький участок необъятной шири, и чтобы осмотреться, Лене пришлось запрокинуть голову и повертеться на одном месте. Местами хмурая хмарь чуть темнела, местами светлела. Ни одного просвета. Ни единого голубого пятнышка.

Небо Лену не испугало, шока она не испытала, но голова у девушки закружилась довольно ощутимо. Она поспешно закрыла глаза, моргнула пару раз и снова посмотрела вверх.

Серо. Уныло. Неприютно. Назвать небо красивым язык у Лены бы не повернулся. Страшным оно тоже не казалось. Оно было безгранично высоким, бесконечно далеким... И невероятно грустным.

На душе у Рысейвой тоже стало тяжело.

«А ведь когда-то небо выглядело совсем иначе, – подумала она с грустью, вспоминая картинки в книгах, на которых росла. – Оно было бездонным, сверкающим... И солнце светило. Теплое. Доброе. Ласковое».

Смотрины кончились. Отряд медленно двинулся через площадь, обходя по дуге приземистый вестибюль станции Ладожская.

Завернув за угол, они увидели груды битого стекла и искореженного металла, в которую превратился один из входов в здание вокзала. Сразу за ним начиналось широкое пространство с торчащими кое-где остовами автобусов. А вдалеке высилась еще более странная конструкция: множество смятых, ржавых вагонов лежало друг на друге, образуя высокий завал. Из него торчали рухнувшие бетонные плиты. И над всем этим хаосом возвышалось сооружение, напоминавшее три дома, построенных очень близко, только вместо крыши остались лишь толстые балки, а по бокам с двух сторон стояли круглые башни, грозно взиравшие на площадь пустыми оконными проемами. Это было здание вокзала. Перед ним простиралась обширная ровная площадь – бывшая парковка. Именно здесь происходили схватки людей и собак-мутантов. Отсюда Лене и Ивану предстояло идти вдвоем, а Эдуард, забравшись на остов автомобиля, прикрывал товарищей.

– Оружие к бою! – распорядился Иван и сам снял с предохранителя АК105. Девушка поглядывала на автомат инструктора с завистью. Ружье ТОЗ-34, которое ей выдали в оружейке, Лена воспринимала как что-то доисторическое, до сих пор не списанное только по причине острого дефицита. Она не спорила, взяла то, что давали, тем более что ее и учили стрелять только из гладкоствольного оружия, а автоматы она пока в руках не держала.

Руины вокзала приближались с каждым шагом, и так же стремительно, если не быстрее, таяло самообладание Лены.

«Всю работу сделают учитель и Эд, – мрачно размышляла она, изо всех пытаясь унять предательскую дрожь, – а я просто опозорюсь...»

Лена в третий раз за десять минут проверила ружье. Все было в порядке. В кармашке ждали своего часа запасные патроны. Рысева очень надеялась, что надобности в них не возникнет.

«Тихо как-то», – думала охотница, внимательно наблюдая за руинами и не замечая никакого движения.

Начинал беспокоиться и Иван Громов.

«Странно. Обычно эти твари чувствуют добычу за версту и выскакивают сразу, стоит только ступить на площадь, – думал сталкер, оглябая очередной ржавый остов автомобиля. – Придумали какую-то хитрость? Во влипли».

Лена с каждым шагом, приближавшим ее к вокзалу, тоже волновалась все больше, но по другому поводу.

«Неужели мы не завалим ни одной собаки, и меня заставят еще раз на поверхность идти? Только не это. Я же тогда точно струшу! Мутантики, милые, ну давайте, идите к мамочке».

И мутанты появились.

Чудовищные существа, похожие на небольших приземистых медведей, покрытые густой косматой шерстью, вылезли из прямоугольного отверстия, мимо которого только что прошел отряд.

Ивану эта дыра, через которую были видны рельсы и ржавые вагоны, не понравилась сразу. Он специально подходил к краю провала, высматривал опасность, но ничего подозрительного сталкер не разглядел. А вот их заметили.

И вот теперь с фланга отряд атаковали исчадия ада, превосходившие псов и размерами, и свирепостью. С глухим рычанием, оскалив клыкастые пасти, быстро перебирая неуклюжими на вид лапами, монстры помчались прямо на людей. Восемь приземистых созданий – три крупные особи, пять поменьше.

Опасность Лена и Иван заметили сразу и выстрелили тоже почти одновременно. Лена запоздала лишь на долю секунды, но не промахнулась. Не промахнулся и Иван.

Головы двух мелких хищников взорвались фонтанами из крови и мозгов. Обезглавленные тела повалились на асфальт. Но их недаром пустили вперед – за ту короткую секунду, которую Лена потратила на перезарядку ружья, остальные монстры оказались в десятке метров от людей.

Иван, изрыгая потоки забористого мата, выпустил в мутантов несколько коротких, хлестких очередей. С тыла по зверям бил без остановки Эд. Мужчины успели уложить всех мелких и двух больших хищников, но третьему монстру, самому крупному, самому лохматому и сви-репому, выстрелы не успели причинить видимого вреда.

Монстр прыгнул.

И в тот момент, когда Лена вскинула ружье, готовясь сделать второй выстрел, мохнатая туша обрушилась на нее, погребая девушку под собой. Оглушенная, ослепленная, дико крича от ужаса, захлебываясь собственным криком, Лена все же успела спустить курок прежде, чем оказалась распластанной на асфальте. Правую руку девушки пронизала острая боль, и мгновение спустя рука повисла плетью. Кость была сломана в районе локтя. Но выстрел даром не пропал – заряд попал твари в живот. В спину мутанта ударило еще несколько пуль. Сталкеры не жалели боеприпасов.

И все же косолапый убийца был еще жив.

Распахнулась пасть, усеянная огромными кривыми клыками.

Мохнатая лапа, непропорционально большая, мощная, мускулистая, вооруженная тремя длинными когтями, взметнулась в воздух для удара. Не получи тварь десятки ран, удар был бы мгновенный, и жизнь Елены Рысовой оборвалась бы. Но монстр замешкался, и Лена успела воспользоваться этой паузой: левой рукой, которую Иван Степанович заставлял тренировать не меньше, чем правую, она выдернула из ножен боевой клинок.

Громов забросил за спину опустошенный АК, выхватил мачете и рванул на помощь Лене. К месту схватки мчался и Вовк.

Они не успевали.

Не успевали на считанные секунды.

Зато успела сама Лена.

Она не помнила, как вонзила нож в тело врага, как тварь завизжала от боли и как на грудь Лены, на маску противогаза хлынула густая горячая кровь. От боли девушка почти потеряла сознание, но все равно продолжала наносить извивающемуся зверю рану за раной, остервенело терзала еще живого хищника, пока, наконец, навалившаяся на нее туша не затихла. А следом провалилась в глубокий обморок и Лена.

Последнее, что она увидела, была маска противогаза наставника, склонившегося над нею. Он сумел откинуть в сторону тушу твари, хлопал Лену по щекам, кричал, звал ее. Но ответить Лена уже не смогла. Она лишь слабо улыбнулась, шепнула:

– Я справилась.

А затем тьма заботливо укрыла ее сознание бархатным пологом.

* * *

«От агента «Крот». Срочно. Секретно.»

У нас проблемы, господин Сатур. Операция «Охота на Лису» полностью провалилась.

Отряд Громова, состоящий из Э. Вовка и Е. Рысовой, продемонстрировал удивительную боеспособность. Что касается нашего «секретного оружия», то оно оказалось в реальных боевых условиях не слишком эффективным.

Моей вины в провале операции нет. Сложно было ожидать, что один сталкер в сопровождении девчонки и пехотинца-инвалида сумеет выйти живым из такого побоища. Тем не

менее, это случилось. Прошу отозвать с правого берега всех Ваших людей, их присутствие в районе Ладозжского вокзала сейчас крайне нежелательно.

Я буду внимательно следить за ситуацией в Штабе и незамедлительно сообщу Вам о результатах расследования, которое, без сомнения, начнет полковник. Сделаю все от себя зависящее для того, чтобы Рысев не нашел никаких следов, но дать стопроцентной гарантии не могу. У меня мало верных людей.

Теперь отвечаю на Ваше послание, полученное сегодня утром.

Вы спрашиваете, что даст нам в нынешних условиях устранение Бодрова, Рысева и Стасова. Ничего не даст, господин Сатур. Их следовало убить раньше. Теперь даже ликвидация всего руководства Оккервиля принципиально ничего не изменит. Станции все равно окажут при штурме серьезное сопротивление. Гораздо более эффективным в данных условиях выглядит алгоритм действий, который Вы описали в последнем послании: блокировать Оккервиль, а основной удар нанести по приморцам. Нельзя выпустить «третью силу» с правого берега. Ни в коем случае! Надеюсь, что руководство Империи примет верное решение.

В ближайшее время я отправлю людей в «левый» туннель. Но заранее предупреждаю Вас: едва ли его удастся использовать для наступления.

Служу Империи.

Крот».

Глава 3

Самсон и самосвал

Лена Рысева не верила в любовь с первого взгляда.

Выслушивая откровения приятельниц типа: «Я увидела Ваню и сразу поняла – это он!», – Лена радовалась за подругу и поздравляла ее, но про себя скептически усмехалась.

– Глупости, – рассуждала девушка. – Люди могут вместе десять лет прожить и все равно друг друга не узнать. А тут – с первого взгляда и уже любовь. Ага. Я и себя за столько лет не поняла, а тут – другой человек. Да еще мужчина.

С широко распространенным мнением, что все мужики одинаковые, Лена тоже была категорически не согласна, хотя и не оспаривала эту «мудрость». Спорила Лена вообще редко, не видя в этом занятии никакого смысла. Обычно кокетки сами ничем, кроме красивого тела, парней привлечь не могли. Рысева же, напротив, считала, что многие парни только притворяются простаками, подыгрывая подругам, а на самом деле в душе мужчины такая же бездна странностей и сюрпризов, как и в душе женщины, если не бóльшая. Разобраться в них Лена пока не могла, хотя и жила почти всю жизнь в окружении мужчин, поэтому и с серьезными отношениями не спешила.

Поклонников у подросшей и похорошевшей Лены водилось немало, но все они на том или ином этапе отношений забраковывались самой девушкой. Только одному юноше, Мите Самохвалову, работавшему в столовой Проспекта Большевиков помощником поваров, своих отца и матери, удалось попасть в гости к Рысевым. На смотрины к Святославу.

Митя, приятный на вид, улыбчивый, веселый малый, пропахший кухонными ароматами, явился к Рысевым минута в минуту. На Лену, присутствовавшую при беседе, смотрел с нежностью во взгляде, Святослава называл «господин Рысев». С особой гордостью отметил Митя, знакомясь со Святославом, что ему позавчера исполнилось восемнадцать лет, и он живет в полной семье.

– Эх, хорошо готовят мама и папа! – воскликнул юноша.

Отец Лены тактично промолчал, но Лена прекрасно знала, что стряпня Самохваловых его не очень-то устраивает. Видя, что последние слова на Рысева не произвели никакого впечатления, Митя принялся еще старательнее рассказывать о том, какая чудесная, любящая и дружная у него семья.

Святослав принял Митю благосклонно, общался с ним вежливо, задавал вопросы о рецептуре блюд, составлявший нехитрое меню жителей метро. Поваренок охотно и подробно отвечал Святославу на все вопросы. Лена поглядывала на отца с легким удивлением, но помалкивала. Святослав Игоревич всегда знал, что делает. Как бы между делом, сразу после дискуссии о гастрономической ценности мяса мутантов, Святослав спросил:

– А напони, какого ты мутанта убил, Мить?

– Никакого, – отвечал юноша, старательно имитируя огорчение, – пока очередь не подошла. Сами знаете, год не проводились вылазки, очередь скопилась...

Лену позабавил вопрос, заданный отцом. Вся станция знала, что Митя в городе не был. Потом девушка догадалась, в чем дело: Святослав хотел услышать эти слова из уст самого Мити. Понаблюдать за тем, как именно он ответит, с грустью или с радостью, будет ли оправдываться. И вот в мимолетной, но презрительной улыбке, исказившей на миг губы отца, Лена прочла «приговор» своему приятелю.

И Лена расслабилась. В начале беседы девушка сидела, как на иголках. Хмурилась, слушая слова Мити, теребила волосы, кусала губу. Теперь волнение улеглось, Лена откинулась на спинку и закинула ногу на ногу. Она уже знала, что скажет ей отец.

Когда Митя уходил, на лице его играла улыбка. Он был почти уверен, что путь к руке и сердцу Рысевой открыт. Святослав тоже улыбался ему вслед. Но после того как за молодым человеком закрылась дверь, отец скорчил кислую гримасу и процедил сурово:

– Этот Самосвал ребенок еще. Я понимаю, чем он тебя заинтересовал – у него есть то, чего лишилась ты. Ну, тут уж извини. Не все могут жить в полных семьях... Митенька милый, неглупый, вежливый, этого не отнять. Но он не повзрослел. Вообще. И полковник просто так от рейда отстранять не станет.

Лена спорить не стала. Она и сама все видела и все понимала.

На какой-то короткий период времени Мите удалось окружить ее такой заботой и вниманием, что голос разума просто заглох. Не последнюю роль в этом маленьком чуде сыграла еда, которую Митя воровал для нее из столовой. Чудо оказалось хрупким – отец парой коротких, жестоких фраз разрушил эти нехитрые чары...

На следующий день, снова увидев Самохвалова, сияющего, точно начищенный чайник, девушка отвела его в сторону, чтобы никто не мог подслушать их разговор.

– Ты классный парень, Мить, – сказала она. – Добрый, веселый, смешной. Но мне нужен совсем другой человек. Извини. Прощай.

– Может, хотя бы друзьями останемся? – пробормотал, понурившись, поваренок. Он выглядел жалко, точно оципаный воробей. Его мир словно рухнул в одно мгновение.

– Вряд ли, Митяй, вряд ли, – покачала головой Лена и ушла. Она привыкла если уж рвать отношения, то сразу и навсегда.

Но судьбе было угодно, чтобы в этот раз у нее это не получилось.

Это случилось в конце мая. За месяц до выхода Лены на поверхность.

Меньше всего на свете она ожидала увидеть Митю Самохвалова в тренажерном зале. Слово «спорт» и имя «Митя», казалось, не имеют между собой ничего общего, как лед и пламя, например. И вот, забежав как-то рано утром перед кроссом от «Проспекта» до Новочеркасской в «качалку», как обычно называли эту комнату, Лена так и застыла на пороге. Она заморгала. Хотела даже ущипнуть себя, чтобы убедиться, что уже проснулась, но ничего не менялось.

Поваренок, никогда не отличавшийся физической силой, пыхтя, отдуваясь, обливаясь потом, точно поливальная машина, остервенело пытался поднять невероятно тяжелый груз: двадцать «блинов». Дело не ладилось. Гора грузов чуть приподнималась и тут же падала обратно. Такой вес даже Денис Владимирович ставил себе редко. Но вместо того, чтобы уменьшить нагрузку, Митя продолжал мучиться. На его счастье больше в качалке никого в этот ранний час не оказалось, иначе Митя не избежал бы злых насмешек.

«Это было бы смешно, если бы не было так грустно», – подумала Лена. Она какое-то время наблюдала за мучениями Мити, потом подошла, опустилась рядом на сиденье велотренажера. Наконец, девушка не выдержала и произнесла:

– Мить. Митяй. Уймись. Это не так делается.

Юноша вздрогнул, точно только что проснулся, посмотрел на нее мутными глазами. Волосы топорщились, как у панка. Со лба стекали огромные капли пота.

– А. Привет, Лен, – произнес Самохвалов. – Я сейчас уйду.

Митя хотел вскочить, но Лена положила ему руку на плечо и заставила сесть обратно. Разговаривать с Митей девушке не хотелось. Времени у нее было в обрез, впереди ждала куча дел. Но она чувствовала: сейчас как раз тот момент, когда она должна сделать над собой усилие и протянуть руку помощи человеку, который реально в ней нуждается.

– Что случилось, Мить? – спросила Лена, глядя Самохвалову прямо в глаза. – Ты ведь никогда сюда не ходил. Что изменилось? Ну, говори. Перед девушкой решил прессом пощеголять?

– Да какая тебе разница! – вздохнул Митя, опуская глаза.

– А вдруг, – девушка присела на корточки, чтобы снова поймать его взгляд.

– Ну ладно. Скажу. У полковника иссякло терпение. Он сказал: «В конце лета пойдешь в город. Сдохнешь – туда и дорога».

«Этого следовало ожидать», – подумала Лена.

– Но со мной больше никто не захотел заниматься. Денис Владимирович сказал: «Отвали, Самосвал. Нет у меня на тебя больше времени». Иван Степанович, твой учитель, послал меня в жопу, – принялся перечислять он сталкеров, тренировавших будущих охотников. – Петр Игнатьевич захлопнул дверь перед носом. Василий Иванович слушать не стал...

«И этого следовало ожидать», – вздохнула девушка.

Она знала, как упорно и как безрезультатно пытались сделать из Митеньки взрослого мужчину друзья ее отца. Денис Воеводин говорил, что против воли заниматься не заставит даже лучший в мире тренер. А у Самохвалова с волей, по всей видимости, дела обстояли крайне плохо. С тренировок Дениса Митя сбегал, чем приводил инструктора в ярость. Кончилось все тем, что сталкер Воеводин просто отказался готовить Митю к охоте.

– Так что через три месяца мне капут, – подвел итог Самохвалов. Он не плакал, глаза юноши оставались сухими, но в голосе звучала такая боль, такое отчаяние, что сердце Лены не выдержало. Огромная, крупная слеза скатилась по ее щеке и упала на пол.

Девушка представила Митю, который, сгибаясь под тяжестью амуниции, задыхаясь в противогазе, едва не падая, плетется по улице. Пот застилает его глаза, тяжелое ружье волочится по земле. Вокруг есть и другие сталкеры, они понукают его, кричат на него, толкают в спину, заставляя идти быстрее, но он не может. Ноги его заплетаются. И вот он падает на потрескавшийся асфальт, не в силах ступить больше ни шагу. А среди развалин ближайших домов уже слышится рычание хищников, привлеченных легкой добычей...

Лена твердо решила порвать отношения с бывшим кавалером, но сейчас, когда перед Митей Самохваловым всерьез замаячила перспектива стать собачьим кормом, Лена не нашла в себе сил остаться в стороне. Ведь она любила его, пусть и не долго. Ценила за доброту и искренность, уважала за честность. Принципами можно было в данном случае поступиться.

«Если я сейчас уйду, если брошу его, я совершу убийство. И не отмоюсь никогда, – сказала себе дочь сталкера. – Пусть я сама там еще не была. Но я уже многое умею. Я должна помочь ему. Я должна сделать хоть что-то».

– Мить. Мить, послушай меня, – заговорила Лена, усаживаясь рядом с Митей и кладя ему руку на плечо. – Тягая тяжести, ты толку не добьешься. Не с этого начинать надо. Короче, я тебе помогу. Два месяца – это мало. Но тренировки Воеводина даром не пропали точно. Не с нуля начинаем. Вставай, плюшевый мишка. Будем делать из тебя медведя. Настоящего лесного хищника.

– Тебе-то какое дело... – пробурчал Митя, отстраняясь. – Сдохну – так сдохну.

И тут Лена поняла, что в этой ситуации самое страшное: Митя уже попрощался с жизнью. Он уже смирился с тем фактом, что выйдет на поверхность и не вернется обратно. Парня надо срочно приводить в себя. И Лена решила, что больше церемониться с Митей не будет.

– Я те дам – «сдохну»! – закричала Рысева, отвесив Самохвалову мощную оплеуху. – Я те сдохну! Ты мужик, Митька! Мужик-и-ик, ты меня слышишь?! Кончай нюни распускать! Вперед, за гантели!

Митя, насмерть перепуганный, зато мгновенно пришедший в себя, сорвался с места и помчался к спортивным снарядам.

– Да не трогай ты эту, горе мое луковое! – зарычала Лена, увидев, что Митя потянулся к двадцатикилограммовой гире. – Грыжу хочешь заработать, да? Надорваться хочешь?

Лена взяла со стойки гантели по два килограмма каждая и протянула Мите. Самохвалов посмотрел на нее с удивлением.

– Такие легкие?

– Легкие, как же. А ты подними их сорок раз, – усмехнулась девушка. – Посмотрим, что ты тогда запоешь. Повторяй за мной.

Она встала перед Митей, взяв такие же, как у него, гантели, и стала показывать ему упражнения для бицепсов, потом для трицепсов. Но едва заметив, что Митя начинает выдыхаться, объявила перерыв.

– На фиг перерывы, – отмахнулся Митя, – надо заниматься. Нет времени у нас, времени нет...

Насилу Лене удалось отобрать у своего подопечного гантели и заставить его присесть на стульчик.

– А теперь, Митяй, послушай меня очень внимательно. И попробуй только перебеи, – Рысь показала юноше кулак. – Я возьму на себя твою подготовку к выходу в город. Ну, хотя бы попытаюсь. Не спеши «спасибо» говорить и на колени падать, дослушай. Если ты сейчас начнешь качать гири и марафоны бегать, ты просто сломаешься. И толку не будет никакого. Во всем система нужна, понял? Ты постоянно что-то жуешь. И куда только твоя мать смотрит?! Причем гадость всякую недоваренную. Это очень вредно. Догадываюсь, когда готовишь, трудно удержаться и не вытащить что-то из котла. А ты смоги! Начни силу воли воспитывать! Ты меня понял?

Митя на миг погрузился. Но уже в следующее мгновение юноша потрянул головой, улыбнулся до ушей.

– Даю слово: я не сдамся! – воскликнул он.

– И главное, – закончила Лена свою речь. – Если ты еще хоть раз вякнешь, что лучше сдохнуть, я уйду. И тогда ты, скорее всего, действительно, умрешь. Вот твои мама и папа обрадуются... Усек?

Митя, таращивший на нее глаза, в которых раньше сквозило отчаяние, а теперь, вперемишку со страхом, забрезжила надежда, не издал ни звука, но закивал очень энергично.

– Про то, что мы занимаемся, никому не говори. Мне только слухов не хватало. Усек?

Самохвалов старательно закивал. Лене оставалось надеяться, что у него в самом деле хватит ума держать язык за зубами, иначе молва непременно припишет им бурный роман.

– У выхода в город есть много сложностей и много опасностей. Одним накачиванием мускулов тут не ограничишься. Многое, очень многое зависит от настроения, от силы воли. И головой там, наверху, работать надо, не только руками и ногами. А теперь, – встала Лена, давая понять, что разговор окончен, – ты пойдешь домой и выспишься... И не смей перечить! – посуровела она, увидев, что Митя отрицательно мотает головой. – Посмотри в зеркало. Ты же на ногах не держишься. Вечером, в семь часов, приходи ко мне. Я тебе расскажу все, что сама знаю. А завтра утром возобновим занятия.

– К тебе в гости? – Митя не поверил своим ушам. – А что твой отец скажет?

– А что отец? – пожала плечами Лена. – Я ему все объясню, он поймет. Только ты это, переоденься. От твоей футболки за километр потом разит. Ну, до встречи.

И Лена, ободряюще потрепав растерянного, но счастливого Митю по макушке, направилась к выходу из спортзала.

Но не дошла.

На пороге стояла ее давняя, горячо и сердечно ненавидимая «подружка» Соня Бойцова.

Фамилия Сони отражала ее сущность на все сто. Рысева и Бойцова дрались почти без остановки лет с тринадцати. И перестали лишь в шестнадцать. Отчасти именно Соня сделала Лену такой, какой она стала... Но благодарить ее за это у Рысей бы просто язык не повернулся. Слишком много тумачков они отвесили друг другу. Слишком много гадостей наговорили. Слишком много сплетен распустили.

Одета Соня была, как обычно, в шорты и тельняшку. Стояла, уперев руки в бока, смотрела на Митю и Лену с ухмылкой. На ее лице красовалась свежая ссадина – след очередного

напряженного спарринга. Соня много лет каждый день упорно, до изнеможения, занималась единоборствами, и в поединках побеждала многих мужчин. О женщинах и говорить не приходилось.

– Ё-моё. Рысь в тренера поиграть решила, – проговорила Соня с глумливой усмешкой. Голос у нее был грубый, низкий, как у парня. – Ничего не получится, детка, – продолжала говорить на ходу Соня, небрежно толкнув Лену плечом. – Лучше не позорься.

– Иди ты! – прошипела Лена вслед.

Не будь Рысева такой уставшей и не научись она за последние годы сдерживать первый, самый мощный порыв гнева, она не поскупилась бы на уточнение, куда именно Бойцовой следует направить шаги. Но Лена сдержалась. За гневной тирадой наверняка последовала бы стычка. Получить под дых на глазах у Мити позволить себе она не могла.

– Уже иду! – отозвалась Соня и расхохоталась во весь голос. Не обращая внимания на Митю, она направилась к боксерской груше.

Лена закрыла дверь. Несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, стараясь успокоиться. Бойцова виртуозно умела выводить ее из себя. Когда они обе были девочками, любая колкость, сказанная Соней, приводила Лену в неопишемую ярость. Повзрослев, Лена перестала реагировать на обиды. Ураган бушевал в душе Лены каждый раз, когда она и ее злейший враг сталкивались, а случалось это постоянно. Но Лена молчала. Вскоре Бойцовой надоело задирать соседку и она от нее отстала.

«В одном Бойцова права – будет трудно, – размышляла девушка, отправляясь дальше по делам, – еще вопрос, кому больше, мне или Митьке. Но где наша не пропадала. Прорвемся!»

* * *

– Что бы кто ни болтал про Леночку, но не будь ее, о чем бы мы с вами вообще говорили? О болячках? – обратилась к другим пожилым женщинам веселая разговорчивая старушка Ксения Петровна, любившая девушку, как родную. – А главное, Лена нас всегда выслушивала. Что, разве нет?

– Без особой радости она это делала... – проворчала Клавдия Родионовна.

– Ишь ты, без радости. Где ты у нас тут радостных-то видела, Клавка? Зато девочка к работе серьезно относится. И вообще, скучно у нас на станции, – продолжала Ксения Петровна, – не происходит ничего, даже посплетничать не о ком. А тут – настоящее событие! Совсем взрослой стала... Кажется, еще вчера мелкая бегала, и вот уже охотиться пошла, да-а...

Старушки дружно закивали. Все последние дни разговоры на скамеечках так или иначе сводились к Елене Рысей. Пожилые женщины вспоминали, как Лена росла, как училась в школе, как начала работать медсестрой, как отвергла влюбленного в нее Митю Самохвалова. Не осталось, наверное, ни минуты во всей жизни девушки, которую бы обошли вниманием. В том, что Лена легко справится с мутантом и вернется, овеянная славой, у бабушек не было сомнений.

Клавдия Родионовна в этих беседах почти не участвовала. Демонстративно отворачивалась и хмурилась. А когда пришло время Рысей возвращаться, сварливая женщина скрылась в свой вагончик. Зато остальные жители станции, не занятые на работах, начали собираться у входа в туннель.

Чтобы не пропустить триумфальное появление девушки, Ксения Петровна заранее заняла место. Даже принесла из дома складной стульчик.

– Вот увидите, мы теперь о ней еще неделю судачить будем, – приговаривала Ксения Петровна.

И она не ошиблась. Возвращение Лены жители станции запомнили надолго...

Время шло. Отряд не возвращался. Старушки волновались. Вскоре на платформе появился Святослав Игоревич.

Рысев завалил себя делами по уши, чтобы не думать о дочери. Но сколько он ни пытался отвлечься, все было без толку. Он знал, что в будке дежурного имелся телефон. С него звонили на другие станции общины. К этому телефону и возвращались раз за разом мысли сталкера.

В это же время в своей палатке сидел Гриша Самсонов и в пятый раз перебирал детали винтовки. Все было по несколько раз осмотрено и начищено до блеска, но вместо того, чтобы убрать винтовку обратно в ящик, Гриша принимался разбирать ее снова. В глазах юного охотника застыла тревога.

Да и поваренок Митя, возившийся среди кастрюль и сковородок, получал не первый щелбан от отца-повара.

– Горе луковое, ты вообще меня слышишь?! – сердился Михаил Самохвалов. – Ты какого черта в кастрюлю очистки высыпал? Да что с тобой сегодня?

Митя молчал. В конце концов отец с раздражением бросил через плечо:

– Иди-ка лучше на станцию, сын.

И первый человек, с которым столкнулся Митя, высунувшись из дверей столовой, был отец Лены.

Сталкер ходил туда-сюда по проходу между палатками и вагонами, сложив руки за спиной. Сидеть на месте Рысев больше не мог.

– Что там с Леной? – робко поинтересовался Митя. Сталкер не обратил внимания на его вопрос. Казалось, он его вообще не услышал.

Шли томительные минуты.

Потом в будке дежурного зазвонил телефон.

– Рысев! Князь! Это тебя, «Ладога» на проводе! – крикнул постовой.

Святослав взял трубку. Оттуда раздалось что-то невнятное.

Как ни напрягала слух Ксения Петровна, занявшая пост в десятке метров от будки, ничего не расслышала. Святослав Игоревич бросал односложные реплики: «Слушаю», «Понял», «Ждем». После этого, отмахнувшись от всех вопросов, помчался по станции в сторону госпиталя.

Появился милиционер, он увел старушек от входа в туннель и приказал всем вернуться на рабочие места. Но жители Проспекта Большевиков все равно то и дело выглядывали в окна. Обыденная жизнь станции впервые за долгое время сбилась с привычного ритма... Люди ждали события, которое бы нарушило привычное течение монотонных часов и дней. Ждали и боялись одновременно.

Прошло еще несколько минут, а потом дверь герметичной переборки, которая закрывала вход в туннель, чтобы с «Проспекта» не выходило тепло, распахнулась так, словно ее взорвали.

На станцию вбежали санитары с носилками. На них лежала бледная, бесчувственная Лена. Ее правая рука была примотана к куску дерева и старательно перебинтована. Одежду и волосы покрывали пятна крови. Иван Громов и Эдуард Вовк, потные, грязные, сами едва державшиеся на ногах, бежали рядом. На вопросы не отвечали, мрачно смотрели в пол.

Они пронеслись через платформу и скрылись в дверях госпиталя.

Минуту царила гробовая тишина. Потом все заговорили разом.

Митя Самохвалов в ужасе закричал, что Лена погибла, но крикуна мигом заткнули.

– Жива она, понял, Самосвалище?! – рычал на Митю Самсонов, показавшийся из своей палатки. – Жива-а!

– А что, что тогда с ней?! – закричал в ответ поваренок.

Гриша опустил голову и тихо произнес:

– Не знаю... Но жива. Жива...

Версии рождались и тут же отменялись. Из своих углов показались даже те, у кого рабочий день был в разгаре. Василий Васильевич Стасов с большим трудом вернул людей на фермы и к станкам. У больницы осталось человек пятнадцать самых любопытных, в основном знакомые Лены. Тут же крутился Митя Самохвалов. Сюда же со своим раскладным стульчиком присеменила Ксения Петровна.

Полчаса спустя к людям вышел Иван Степанович Громов. Он появился на больничном крыльце, мрачный, страшно уставший, словно бы постаревший на несколько лет.

Все разом затихли.

Гриша Самсонов протолкался к самому крыльцу. В руках он мял и комкал свою красную ленту, приплясывая на месте от нетерпения.

– Елена жива. У нее сломана рука. Много ушибов. Тяжелейший шок. Но она жива, – начал говорить Иван Степанович. Он через силу улыбнулся, но тут же снова помрачнел, как грозовая туча.

– Во время охоты возникли осложнения. Ничего больше я сказать пока не могу. Не имею права. Но знайте: я и Эдуард сделали все, что могли. Все, что могли.

– Да. И еще, – воскликнул Громов, видя, что люди опять заговорили все разом в полный голос. – Тихо! Не надо шуметь! Это просьба врачей. Не надо шуметь. Пожалуйста.

Иван Степанович ушел. Разошлись друзья и знакомые Рысевых. Через пять минут у дверей госпиталя остался только Гриша Самсонов. Он все так же смотрел, не отводя глаз, на двери медицинского блока. Милиционер покрутился, покрутился рядом, но прогонять парня не стал, лишь буркнул: «Шуметь строго запрещено!». А потом даже стул вынес.

– Ты это... Садись, парень, – обратился к нему страж порядка, и, похлопав Самсонова по плечу, скрылся в дверях больницы.

– А Гриша-то, кажется, влюбился... – шепнула Ксения Петровна, осторожно выглядывая из-за угла.

– Хороший выбор, – переглянулись старушки. – Хорошая пара будет. И детки крепкие вырастут.

Три дня Лену держали в помещении госпиталя. Все это время Гриша крутился рядом. Парень то интересовался, как состояние девушки, то просто сидел где-нибудь в сторонке, терпеливо ожидая новостей. На третий день к Грише подошел Святослав Рысев.

Сталкер постоял в сторонке, посмотрел на юношу, на его мощный торс, широкие плечи. Уважительно хмыкнул, увидев ромбик на рукаве, который нашивали тем, кто окончил школу на «отлично».

«Самсон – парень не плохой, – размышлял Рысев. – Да и Лена моя о нем часто говорит. Если и есть на станции достойный кандидат, то это он, Самсон».

Еще какое-то время Святослав Игоревич колебался, взвешивая все «за» и «против». А потом подошел к Грише, присел рядом и произнес, стараясь заглянуть в глаза юноши:

– Хочешь ее увидеть?

Гриша ахнул и вскочил на ноги. Он схватил руку Святослава, принялся ее трясти, но тут же, испугавшись своей смелости, вытянулся по струнке. Назвал Святослава «товарищем Рысевым», потом «Святославом Игоревичем». Начал доставать из кармана ленту, затем, вспомнив, что та вся измята, затолкал поспешно назад. Щеки юноши залил румянец.

Святослав наблюдал за Гришей, и теплая улыбка играла на его лице.

«А ведь и я, когда влюблялся, становился таким же клоуном. Любовь всех равняет», – подумал сталкер. А вслух сказал: – Хочешь? Ну, пойдем. Пойдем, парень.

За ними сунулся Митя Самохвалов, крутившийся поблизости. Но на его пути встал Эдуард Вовк, хмурый, злой, страшно уставший.

– Не положено, – сухо произнес солдат.

– А, а этот? – возмутился Митя, глядя на дверь, только что захлопнувшуюся за спиной соперника.

– А этот с Рысевым! – бросил Эд, закрывая дверь.

Митя постоял немного на пороге, тяжело вздохнул и поплелся обратно на кухню.

Лена Рысева лежала в своей комнате, укрывшись по пояс одеялом, положив поудобнее загипсованную руку, и увлеченно читала книгу.

Гипс ее выглядел довольно забавно: рисунки покрывали его почти полностью. Встречались зверюшки, оружие, портреты людей. Приглядевшись, можно было обнаружить клеточки для игры в крестики-нолики. Имелось одно поле для «морского боя». Какие-то рисунки нанесли кусками угля, какие-то карандашами.

Екатерина Андреевна Соколова, доктор, приходившая проверить самочувствие девушки, в первый момент опешила, увидев эти художества, но запрещать больной рисовать на гипсе не стала. Только произнесла с улыбкой:

– В первый раз вижу, чтоб на гипсе в игры настольные играли...

На это Лена отвечала с задорной улыбкой:

– В борьбе со скукой все средства хороши.

Началось все с сердечка, которое коряво, но с душой нарисовал Гриша. Лена спала, когда он приходил, и парень решил таким образом ее порадовать. С тех пор каждый, кто приходил навестить Лену, считал своим долгом оставить свой автограф на гипсе.

– Когда его снимут, оставь на память, – посмеивался отец. – Жалко такой шедевр выбрасывать.

Святослав Игоревич был спокоен и счастлив.

От шока Лена оправилась.

Кости срастались быстро, врачи говорили, что к концу месяца гипс, скорее всего, можно будет снять. Спортивные занятия дочери, конечно, пришлось пока оставить, зато она засела за учебники и художественные романы, до которых раньше не доходили руки. А уж книг в доме Рысовых имелось в избытке.

Каждый день приходил Гриша Самсонов. Он садился у изголовья кровати, и если девушка спала, в благоговейной тишине любовался нежными чертами ее лица, а если бодрствовала, заводил разговоры обо всем на свете. Гриша рассказывал анекдоты, и ребята дружно хохотали; они читали друг другу стихи, вспоминали интересные случаи из жизни.

«Вот и славно, вот и хорошо, – размышлял Святослав Игоревич; он сидел на кухне, прислушивался к голосам молодых людей и радовался за дочь всей душой, – узнают друг друга получше, присмотрятся. Идеальная ситуация, черт возьми».

Наведывались и его друзья. Иван Громов и Эдуард Вовк каждый раз, когда выдавалась свободная минутка, приходили с Ладожской, интересовались, как здоровье Лены, приносили гостинцы. Иногда к ним присоединялся и Денис Воеводин.

А в этот раз они пришли все одновременно.

Со стороны это выглядело немного комично: четверо крепких мужиков заняли все свободное пространство комнаты, сюда бы теперь и ребенок не втиснулся. Гриша, как особа привилегированная, сел на кровать рядом с Леной. Иван Громов, помявшись, примостился на единственный стул. Денис и Эд остались стоять.

– Мы тебе, наверное, мешаем, – промолвил Вовк, с волнением поглядывая на Лену.

– Да брось ты, – расплылась в улыбке девушка. – Я целыми днями одна. С книжками. От скуки иногда на стенку лезу. Хотя каждый раз вчетвером приходите – только рада буду! Правда-правда.

– Кстати, как там Самосвалище? – с этими словами Денис повернулся к Грише.

Сплетница Бойцова постаралась на славу. На станции только глухой не знал о том, что Лена взяла шефство над поваренком, а после ее ранения за подготовку Мити к охоте взялся Гриша Самсонов.

– Ниче так, – отвечал Гриша, сосредоточенно помассировав челюсть. – Я думал, хуже будет.

– Ну-ну, – хмыкнул Воеводин. Он считал, что Митю на поверхности ждет либо позор, либо смерть.

Лена помрачнела. Она тоже временами переставала верить в успешное завершение рискованного предприятия, но уповала на лучшее.

В комнате повисла неловкая тишина.

– Чем занимаешься? – поинтересовался Эдуард, стараясь разрядить обстановку.

– Да много чем. Стихи, например, пишу. Правда, они какие-то грустные получаются. Но если хотите, прочту что-нибудь.

Она осторожно достала из-под подушки несколько тетрадных листов, пробежала взглядом по кривым, танцующим строчкам – писать левой рукой было очень непросто, – и остановилась на крайнем стихотворении.

– Надо еще поработать над этой вещью, она немного не закончена. Навеяно воспоминаниями отца и моим хреновым самочувствием, – Лена прокашлялась, вдохнула. Выдохнула и начала читать.

*Болею. На щеках
По ядерному взрыву.
Нерусская тоска
По Финскому заливу,
По мокрым валунам
(От слез или от соли),
Коробочным домам...⁶*

– Здорово. Образно, – улыбнулся Гриша, дослушав стихотворение, остальные закивали, соглашаясь. – Мне особенно понравилось про ядерные взрывы на щеках.

– Какова жизнь, таковы и метафоры, – заметил Иван Степанович. – А это что у тебя за книга?

– А, это. Сказки, – Лена небрежно махнула здоровой рукой. – Обычные детские сказки. Про Колобка, про Ивана-Царевича – глупости, короче.

– Зачем ты так? – слегка нахмурился Громов. – Говорят: «Сказка ложь, да в ней намек». Мудрость народная, так сказать. Сказки и сейчас сочиняют, знаешь ли. Правда, они такие жуткие – мороз по коже.

– Помню, когда я еще мелкий был, мы с пацанами обожали страшилки всякие, – расплылся в улыбке Гриша Самсонов. – Соберемся где-нибудь в темном уголке и как начнем сочинять, кто во что горазд! До сих пор снятся иногда эти ужасы по ночам...

– А добрые постыжерные сказки вообще в природе существуют? – спросила Лена, с интересом вслушиваясь в слова Гриши. – Или такая жизнь-жестянка нынче, что не верят уже люди в чудеса?

– Почему нет. Есть, – произнес Иван Громов. – Я даже, так сказать, попал в одну из них. Мы, точнее. Если хотите, могу рассказать. У Эда в том году осенью начались боли в спине – результат той самой эксплуатации. Надо было срочно его доктору показать. Специалист такой

⁶ Стихи Савитри Пинягиной.

в метро один: на Площади Ленина. А тут как назло – война Альянса с бордющиками⁷. Пришлось по поверхности от «Невского» до Чернышевской идти.

– Точно. Помню, – Эдуард Вовк мечтательно улыбнулся. – Веселый выдался денек. Рассказывай, Лис. Я если что поправлю. Давай!

* * *

Черная вода Фонтанки плескалась и всхлипывала за ограждением набережной.

Зловеще шумели деревья парка, окружавшего Инженерный замок, разросшегося, захватившего окрестные кварталы. Большая часть старинного здания была неразличима за разросшимися кронами, хорошо просматривалась только круглая башенка на крыше. Купол ее частично обвалился, флагшток рухнул, и на его месте устроили наблюдательный пункт крылатые мутанты. Во внутреннем дворе Михайловского замка вырос настоящий лес. Мощные стволы напирали на замок со всех сторон, упорно разрушая его стены. Все окружающие постройки давно рассыпались в прах или скрылись среди густых зарослей, но творение императора-рыцаря еще держалось. Воды каналов подмывали его опоры. Могучие корни разрушали фундамент. Одна за другой рушились стены. Но и сейчас, спустя двадцать лет после Катастрофы, замок производил сильное впечатление.

Эдуард Вовк поневоле залюбовался красотой и мощью здания, шагая мимо следом за Иваном.

– Я слышал, там внизу – широкая сеть подземных ходов, – прошептал Эдуард, когда они остановились у ограды Инженерного сквера на небольшой привал. – Нигде в Питере больше нет подземных сооружений. Только под Петропавловской крепостью, под Смольным... И здесь⁸.

– Скажешь тоже. А мы с тобой откуда вылезли? – усмехнулся Иван. Он бы предпочел не останавливаться нигде, кроме Первого Инженерного моста, но Эду запрещалось совершать длинные переходы без отдыха.

Боли мешали Вовку таскать грузы, однако ходить он был в состоянии.

Эд долго откладывал визит к врачу, уверял Ивана, что все само пройдет. И вот в один прекрасный день парня скрутил страшный приступ. Сталкер волком выл от боли и чуть ли не лез на стену. Потом Эд снова пришел в норму, но больше тянуть Громов не стал: наплевав на начавшуюся в метро войну, повел товарища на Чернышевскую. Маршрут был ему привычный, знакомый. Имелась у Громова и маленькая хитрость, позволявшая раз за разом возвращаться из рейдов целым и невредимым.

– Метро – это метро. Тут другое. Голова кружится, как подумаешь, что может скрываться в этих подземельях, – вздохнул мечтательно Эдуард. В отличие от друга, он обожал фантазировать.

– Ну-ну. Известно что, – скривился Громов, не сводя с развалин настороженного взгляда. – Да затопило их на хрен, эти ходы. Или там та-а-акие зверушки завелись, что мама дорогая.

– Да что ты за человек, Лис, – в сердцах махнул рукой Эд. И тут же получил от Ивана подзатыльник.

– Резких движений не делай. Гляди.

И Громов навел «Винторез» на гнездо птерозавра. Конструкция из веток, досок и прочего мусора, сооруженная крылатым хищником, возвышалась на крыше замка. Невдалеке гнездилась еще одна семья летающих монстров. Пока самих птеров видно не было, и расстояние,

⁷ Описывается в главах 3–7 романа Шимуна Врочека «Метро 2033: Питер». (М.: Астрель, 2011).

⁸ Вяткин А. Д. «Петербург мистический». С. 142–144.

отделявшее сталкеров от монстров, делало передвижения людей относительно безопасными, но поблизости могли крутиться и другие хищники.

Эд кивнул, перехватил поудобнее АКС⁹. Сталкеры быстро зашагали мимо здания цирка в сторону реки.

У самых стен Михайловского замка, в паре шагов от стрелки Мойки и Фонтанки, сталкеры сделали последний привал, самый главный на всем маршруте.

– Прикрой меня, – шепнул Иван, указав Эдуарду позицию за остоном ржавого автомобиля. – Я сейчас.

Но несколько минут Иван не двигался с места. Он застыл, точно изваяние, не издавая ни единого звука. Только ствол ВСС плавно перемещался из стороны в сторону.

Шумели кроны деревьев. Вздыхала темная вода, накатывая на монолит набережной. Протяжно, печально кричали среди руин их новые хозяева. Таинственный полумрак царил на улицах и площадях мертвого города.

Убедившись, что все спокойно, Иван забросил «Винторез» за спину, лег на грязный, дырявый асфальт, сквозь который пробивались корни ближайших деревьев, распластался и медленно пополз вдоль набережной. Минуту спустя сталкер осторожно, насколько позволял обзор респиратора, выглянул сквозь ржавые, покосившиеся прутья решетки. Сначала он ничего не увидел – перед глазами были только темная вода, по которой расходилась легкая рябь, да отвесная стена набережной.

«Неужели уступ обрушился?» – промелькнула в голове паническая мысль.

Потом Иван разглядел крохотную площадку, на которой не смог бы поместиться даже котенок. На этом выступе сталкер, приглядевшись, с радостью заметил фигурку птички.

«Привет, родной. Вот и я! – мысленно обратился Громов к бронзовой фигурке. – Сейчас-сейчас, будет тебе обычный дар. Сейчас...»

В этот момент зачарованную тишину разорвала автоматная стрельба. Она раздавалась совсем близко, из-за угла замкового комплекса. И вот тут-то птерозавры на крыше, до этого никак не обнаруживающие своего присутствия, проснулись. Они заволновались, захлопали крыльями. Одна тварь сорвалась с места и исчезла за деревьями.

– Лис! – зашипел Эдуард. – Шухер. Дуй сюда.

Но Иван не мог нарушить ритуал, неизменно соблюдаемый им много лет подряд. Не обращая внимания на усиливающуюся канонаду и жесты товарища, сталкер достал ржавую монетку номиналом в пять рублей (этого добра в метро валялось много, старые деньги цены не имели), протянул руку через прутья решетки. Прицелился. Метнул пятак. Монетка гулко звякнула о край площадки, срикошетила и упала в воду, издав печальное «бульк!».

– Промазал, растяпа! – выдохнул Иван. Больше монеток он не взял. Вскидывая ВСС, Громов метнулся обратно под прикрытия ржавого автомобиля.

– Какого хрена ты там делал, Лис?! – начал ругаться Эд, но мигом смолк, увидев оттопыренный средний палец Громова.

В эту секунду канонада, звучавшая со стороны дворца, усилилась. И вот на глазах друзей на набережную выбежали какие-то люди. Трое. Они вели огонь одновременно по наземным и воздушным целям. Из зарослей их атаковали косматые чудовища, напоминавшие медведей, а с неба шли в атаку окончательно проснувшиеся птеры.

– Надо помочь, – прошептал Иван, прицеливаясь.

– Ты идиот?! – накинулся на него товарищ. – Всем помогать будем – сами ляжем! Кто они нам?! Никто! Не смей стрелять, Лис.

Между тем судьба незнакомцев была предрешена.

⁹ Автомат Калашникова со складывающимся вниз металлическим прикладом, разработан для подразделений ВДВ.

Вот уже один из них оступился, упал на землю и лесные хищники в мгновение ока растерзали его тело в клочья. Дикие вопли огласили воздух, но почти сразу смолкли.

Хищников, пожирающих их товарища, сталкеры быстро перебили, но в атаку шли новые и новые твари. Едва ли оставшиеся в живых люди сумели бы отбиться. Ивана и его спутника, укрывшихся в густой тени за корпусом машины, хищники пока не видели и не чуяли.

– Повторяю: не смей стрелять! – надвинулся Эд на Громова, увидев, что тот опять поднимает «Винторез». Ствол снайперской винтовки начал опускаться. И в этот момент тоненький писклявый голосок, похожий на птичье щебетание, раздался в голове Ивана. Голос, который он уже однажды слышал. Именно здесь, на набережной Фонтанки, в самый жуткий час, в разгар кровавого побоища, когда жизнь его висела на волоске.

«Иван, стреляй! Ты просил помощи? Помощь будет! А сейчас стреляй! Стреляй, Иван!»

Больше Громов не сомневался. Он прицелился в крылатого монстра, готовящегося обрушиться в пике, и короткой очередью изрешетил крыло птерозавру. Мутант мгновенно потерял скорость, завалился на бок и, оглашая окрестности пронзительными криками, спланировал на землю. Следом потерял управление и спикировал в чашу второй птер. Иван Громов выжимал из своего прекрасного оружия максимум.

– Чертов придурок! – простонал Вовк, но ругаться было поздно. Он тоже открыл огонь, уложив на месте троих «медведей», зазевавшихся на середине проезжей части.

Получившие отпор оттуда, откуда не ждали, чудовища на короткое время прекратили атаку.

Неизвестные сталкеры, воспользовались передышкой, рванули туда, откуда пришла помощь. Один из них держал в руках АК74, второй – СВД.

– Ну, вы придурки, мать вашу! Весь город переполошили, – набросился на незнакомцев Эд. Однако времени на выяснение отношений у них сейчас не было.

Затишье длилось лишь краткий миг. Перегруппировавшись, мутанты возобновили атаку. Снова зашуршали в небе кожистые крылья и затрещали кусты, пропуская мохнатые тела лесных обитателей.

Винтовки и автоматы ударили дружно. Особенно хорошо работал снайпер с СВД. Патроны калибра 7,62 летели точно в цель, вырывая куски плоти из тел мохнатых мутантов, пробивая головы, дробя кости. Но и «Винторез» оправдывал баснословную цену на все сто. Иван спокойно, без суеты и паники, целился и нажимал на спуск, а в голове его все звучал тоненький голосок:

«Стреляй, Иван! Стреляй!»

Атака мутантов захлебнулась. Шквальный огонь вынудил медведей отступить обратно в чашу, затем разлетелись и птерозавры. Долго еще слышно было, как продираются сквозь бурелом испуганные хищники. Потом наступила тишина.

Все кончилось, поле боя осталось за людьми. Сталкеры опустили оружие.

– Спасибо, – произнес незнакомый сталкер, протягивая руку Ивану. – Если бы не вы...

Он хотел поблагодарить и Эдуарда, но тот уже не смог бы ответить на рукопожатие.

Вовк корчился на земле, мыча и хрипя от боли. Приступ разбил его буквально секунду назад.

– Ранен! – охнул незнакомец, хватаясь за перевязочный пакет, висевший на боку.

– Не. Спина у него... – Иван не стал рассказывать спасенным сталкерам, какая беда стряслась с его товарищем, вместо этого он сказал: – Мужики, помогите дотащить до Чернышевской. Один не справлюсь.

– Не вопрос! Мы туда же, – последовал ответ.

Минуту спустя отряд перешел через Пантелеймоновский мост. Автоматчик тащил на себе Вовка. Снайпер шел в арьергарде. Иван – в авангарде. На середине моста Громов на миг

остановился, нашел взглядом крохотную фигурку птички, сиротливо виднеющуюся у самой воды, и шутливо отдал честь.

– Приказ выполнен, господин Чижик! – прошептал сталкер.

* * *

– Так как называется памятник? – спросила Лена, когда Громов закончил свой рассказ.

– А разве я не говорил?.. Чижик-Пыжик.

– Чижик-Пыжик, – повторила Лена спокойным голосом, потом произнесла нараспев: – Чи-ижик! Пы-ыжик! Забавное имя. Где-то я его слышала...

– Любой, кто живет в Питере, должен знать о Чижике! – Эдуард Вовк наставительно поднял вверх указательный палец. – Это ж наша культура.

– Мне отец в детстве говорил, что Чижик-Пыжик этот не простой. Волшебный, – продолжал рассказывать Иван Громов. – Еще задолго до Катастрофы к нему люди ходили, из дальних городов и стран приезжали. Представляешь, Лен? Крохотная птичка, с первого раза не заметишь, а люди к нему со всего мира ехали. И деньги ему бросали. Я слышал, рядом с Чижиком пацаны в воду ныряли, монетки собирали. И неплохо, знаешь ли, зарабатывали. Не чудо ли?

– Чудо, – согласилась девушка. Она знала, что деньги в прежнем мире очень ценились, в ее голове не укладывалось, как можно эти деньги просто выбрасывать. Лена представила себе, что у реки, перегнувшись через перила, стоит их сосед дядя Вася, сапожник, и один за другим кидает в воду патроны, заработанные нелегким трудом. А рядом стоят его голодные дети и с тоской смотрят, как падает в воду их пропитание. Сцена была и смешная, и странная. Лена хмыкнула и тряхнула головой, прогоняя видение.

– Счастья люди хотели. Удачи, – завершил свою историю Иван Степанович. – Но только чтоб не самим трудиться, а чтоб все само получилось. Кто-то на Заячий остров для этого шел, в зайца монетками кидал. А кто-то – к Чижик. Верили люди, что сами они ничего не могут, а вот маленькая птичка все их проблемы решить способна.

– Ну, те-то дураки. А вот ты, Лис, чё, реально думаешь, что это он тебе приказал тех мужиков спасать? – произнес Денис Воеводин, скептически пожимая плечами. – И выручал тебя в передрыгах тоже он? Памятник?

– Я... – Иван на мгновение смутился, а потом произнес с беззаботной улыбкой: – Я не знаю. Сложно все, согласен. Но, как и во всякой сказке, хотите – верьте, хотите – нет. Только знаете... С тех пор, как переселился на правый берег, об одном жалею – что не могу больше на Фонтанку сходить. Больше ни о чем не тоскую. А вот Чижик... Чижик – это особый случай. «Чижик-Пыжик, где ты был?» – начал напевать Иван Степанович.

И Эд радостно подхватил:

– На Фонтанке водку пил! Выпил рюмку, выпил две...

Последнюю строчку подпел еще и Денис Воеводин. Как оказалось, он тоже знал это короткое веселое четверостишие:

– Зашумело в голове!!!

Все дружно рассмеялись. Потом Лена вдруг скривилась, помассировала виски, отложила книжку.

– К вопросу о голове. Что-то, правда, зашумело.

– Это мы виноваты, – воскликнул Гриша, не на шутку разволновавшись. – Поём тут, кричим, ужасы всякие рассказываем. Пошли, ребята.

Но когда Денис и Эд уже вышли за дверь, Лена встрепенулась, села в кровати и спросила Ивана Степановича:

– А что это за монстры? Ну, с которыми я сражалась.

– Неизвестно. Как говорится, «ни мышонок, ни лягушка»... Сразу после нашей охоты полковник собрал ударный отряд, послал половину сталкеров. Мы прочесали все окрестности. Ничего. Но есть версия, – добавил Громов шепотом, прикрыв дверь и подойдя ближе к постели Лены, – что это работа Империи. Вывели в своих лабораториях чудовищ и к нам отправили, так, для пробы. Надо же на ком-то новое оружие опробовать.

– Но ведь река... – начал возражать Гриша.

– Да, версия не безупречная, много возникает вопросов. Но если это правда... Если это «зеленые» постарались... Значит, скоро нам будет весело.

Посетители давно ушли.

Отец, решив, что Лена уснула, выключил свет и прикрыл дверь.

Но девушка не спала. Она снова и снова повторяла слова Эда, сказанные за несколько минут до выхода на поверхность:

– Не отсидимся мы. Не отсидимся.

* * *

Из двух перегонов, соединявших Оккервиль с Империей Веган и остальным метро, действовал только один, условно называемый «правым». Второй туннель находился в аварийном состоянии, местами тубинги обвалились, кое-где просачивалась вода. Тратить силы на поддержание обоих путей в рабочем состоянии не хотели ни веганцы, ни жители правобережных станций, в итоге «левый» туннель просто законсервировали. Шептались, впрочем, что веганцы специально отказались от ремонтных работ, чтобы при необходимости быстро изолировать соседей от остального мира. Так или иначе, левый туннель полностью забросили. Никто точно не знал, сколько там воды и как сильно просели несущие конструкции. Зато правый перегон, по которому постоянно сновали то офицеры Империи, то грузчики из Веселого поселка, содержался в идеальном порядке. С обеих сторон были устроены КПП из мешков с песком. Местами горели лампочки, правда, ночью их отключали. Воду откачивали. С путей убрали все, что могло мешать движению людей. Такая ситуация, однако, радовала не всех.

– Это не туннель, а гребаное шоссе! Начнется война – армия зеленожопых в пять минут до нас доберется, – цедил сквозь зубы полковник.

Перекрыть проход на «Площадь Невского» и лишить общину средств к существованию он, конечно, тоже не мог. Дмитрий Александрович ограничился пока тем, что укрепил подступы к Новочеркасской настолько хорошо, насколько это было возможно, и приготовил взрывчатку для оперативного подрыва туннеля – на всякий случай.

На расстоянии трехсот метров от Новочеркасской располагался передовой пропускной пункт Оккервиля, оснащенный пулеметом «Печенег» и прожектором. Там постоянно несли вахту два бойца. Два-три часа в сутки там находился лейтенант Ларионов, командир обоих рубежей обороны. В ста метрах от станции был организован второй блокпост. Там по приказу Бодрова установили пулемет Калашникова и самодельный огнемёт.

– Не остановит эта ерунда веганских штурмовиков, – сказал однажды Ларионов командиру, скептически оглядев своих ребят и их видавшие виды АК.

– «Кордом» желаешь обзавестись? А если, скажем, «Шмель» купим? Тогда нормально будет? – отвечал с усмешкой Бодров, и, получив утвердительный ответ, мрачно добавил: – Ты думаешь, веганцы нам это позволят? Думаешь, не пронюхают, что у нас тяжелая артиллерия завелась? Что тогда будет, догадываешься? Но не парься, Серег, мы подорвем туннель раньше.

Время от времени полковник наведывался и на передний рубеж обороны. Каждый раз неожиданно, без всякого предупреждения. Это держало лейтенанта и его бойцов в тонусе.

Так произошло и в этот раз. Солдаты, услышав позади себя гулкие, тяжелые шаги, едва успели спрятать карты, за которыми коротали часы дежурства, как в круге света возник массивный человеческий силуэт.

Полковник был человеком высокого роста, почти метр девяносто. Бодров носил камуфляжные брюки и куртку, высокие шнурованные «берцы» и фуражку. Тело его словно высекли из цельной глыбы гранита. Черты лица, начиная с бровей и кончая подбородком, крупные, массивные. Мастерница-природа, создавая эту монументальную скульптуру, не тратила времени на прорисовку мелких деталей – работала исключительно топором. Из-под густых седеющих бровей пристально, настороженно глядели глубоко посаженные глаза. Трудно было сохранить самообладание, встречаясь взглядом с полковником Бодровым.

Двадцать лет жизни под землей, казалось, никак не отразились на здоровье Дмитрия Александровича. Лишь близкие друзья знали, что он страдает от бессонницы. Да и старые раны, полученные сразу после Катастрофы во время кровавых переделов власти, все чаще и чаще напоминали о себе. Но эти проблемы полковник надежно скрывал от посторонних глаз – для всех он был олицетворением физической силы и непреклонной воли.

Лейтенант Ларионов, правая рука полковника, выглядел уменьшенной копией Дмитрия Александровича: такой же крепко сбитый, жилистый боец, прошедший огонь, воду и коллекторные трубы, только на полголовы ниже. Еще одно отличие заключалось в том, что Ларионов брился налысо, а полковник предпочитал оставлять на голове короткий ёжик.

Обычно появление командира на посту означало проверку боеготовности, но сегодня Дмитрий Александрович явился не для того, чтобы проверить, чем заняты бойцы на аванпостах.

Он жестом поманил к себе лейтенанта Ларионова, а дозорным приказал:

– Парни, оставьте нас. Ждите на втором посту. Вернетесь только по моему приказу.

Повторять распоряжение ему не пришлось – постовые мгновенно растворились во мраке. Полковник и лейтенант остались одни. Удостоверившись, что за бруствером КПП никто не скрывается, полковник знаком приказал Сергею Ларионову сесть на раскладной стульчик. Сам опустился рядом на ящик с пулеметными лентами.

Минуту Дмитрий Александрович молчал. Никогда еще лейтенант не видел командира таким мрачным и подавленным, хотя они служили вместе больше пяти лет.

«Что же могло его так встревожить?!» – терялся в догадках Ларионов. Но нарушать молчание первым не решался.

– У нас завелся «крот», Серега, – произнес, наконец, полковник.

– Кто-кто? – переспросил лейтенант. – Какой еще крот? Мы же недавно мышьяк раскладывали везде.

– Мля, Серег, извилинами шевели почаще! – взорвался полковник. – Да, блин, грызун завелся. Слепой, с лапками. Ползает по станции и сливает веганцам наши военные тайны.

– Не может быть! – выдохнул лейтенант.

– Еще как может, – отвечал Бодров с тяжелым вздохом. – Я только один рапорт сумел перехватить, и то случайно. Представляешь: иду по туннелю посты проверять, машинально камень ногой – бах! Ну, ты знаешь, есть у меня такая привычка. А под ним бумажка. Тайник, мать его. Не успели зеленожопые забрать послание.

– Бред какой-то. Зачем такие сложности? У нас агенты Империи пешком ходят, – осторожно напомнил полковнику Ларионов. – Куда ни плюнь – везде или тайный, или явный их шпион. От них и так ничего не скроешь!

– Э, нет. Нет, Сереж, – покачал головой полковник, становясь еще мрачнее, чем был. – Я, знаешь ли, тоже не мальчик. Знали бы они всё, меня бы давным-давно замочили, да и тебя тоже. Тут другое. Вот, почитай рапорт этой мрази. Тут и про тебя есть.

С этими словами Дмитрий Александрович бросил лейтенанту мятый листок бумаги, сплошь исписанный корявым почерком. Буквы то налезали одна на другую, то сливались в какие-то уродливые сочетания, так что не ясно было, «а» перед тобой, или «о». Местами автор текста переходил на печатные буквы. Потом снова возвращался к прописным. Создавалось впечатление, что это писал ребенок.

– Читай вслух, – приказал полковник.

– «Ларионов – дурак. Исполнитель хороший, но мозгов нет. Опасности не представляет», – прочитал лейтенант.

Руки его задрожали то ли от обиды на такую низкую оценку его способностей вражеским разведчиком, то ли от злости, то ли еще от чего. Полковник внимательно следил за реакцией Ларионова.

– Дальше, – потребовал Дмитрий Александрович.

– «Стасов – хитрая, двуличная мразь. Морочит головы нашим людям, делает вид, что лоялен, а на самом деле только и ждет, как бы напакостить Империи», – читал лейтенант, преодолевая отвращение. – Полковник, а про вас читать? Тут та-акие словечки.

– Не надо, – проговорил Бодров, забирая обратно донос неведомого осведомителя. – Согласен, на выражения не скупится, гад. Сразу видно: он нас ненавидит. Ты понимаешь, что это значит?

– Кто-то свой старается? – предположил Ларионов.

Полковник мрачно кивнул.

– В точку, Серег. Свой.

– Но кто? – подался вперед лейтенант.

– Знал бы я, кто это, – давно бы гаду башку открутил, – процедил сквозь зубы Дмитрий Александрович. – Помощь пока не нужна, сам постараюсь вычислить шпика. И глаза вырву, чтоб реально кротом стал. А ты тут смотри в оба, понял? Один тайник я нашел, но сколько их еще – хрен знает. Ну, бывай.

И Дмитрий Александрович растворился во мраке туннеля.

Лейтенант долго стоял посреди туннеля, растерянно переводя взгляд с ящика, на котором лежало забытое полковником «послание», на сырые кольца тюбингов, исчезающие в крошечной тьме.

«Может, догнать его, вернуть? – размышлял Сергей Ларионов. – Или потом отдать?»

В итоге любопытство взяло верх. Лейтенант осторожно взял рапорт и принялся читать.

Глава 4

Краснобай

Антон Казимирович Краснобай, купец со станции Спасская, слыл в Торговом городе большим чудаком.

Антон Казимирович перебрался в Торговый город три года назад с нищей станции Московские ворота, где перспективы пробиться в люди равнялись нулю, и почти сразу понял: новичкам тут места нет. Все рынки сбыта заняты, все поставщики поделены, все сферы влияния захвачены, и пускать даже к краю кормушки без драки никто не станет. Воевать с мощными торговыми кланами Краснобай возможности не имел. Но все это не стало для начинающего предпринимателя сюрпризом. Он сразу понял, что чем сражаться с другими купцами за старых клиентов, лучше идти своим путем, развивать новые направления. Риск был велик, зато и конкуренцией не пахло. И Краснобай взялся за дело. Нанял челноков, на остатки сбережений купил большую партию сушеных грибов и отправил караван к буддистам на Старую деревню.

Остальные торговцы пальцем у виска крутили, провожая взглядами «краснопузых» (так называли людей Краснобая). Все знали, что народ на Старой деревне живет странный, с ними вообще разговаривать сложно, не то что торговать, да и деньги там не водятся. Но Антону Казимировичу повезло. На Старой деревне за сутки до появления каравана случилась беда: прорыв грунтовых вод уничтожил половину запасов пищи. Буддисты стали ломать головы, откуда им взять продовольствие и на что его выменять, и тут – точно по мановению волшебной палочки – появился караван. Антон сразу понял, что патронами тут не разжиться, зато его взгляд упал на симпатичные растения в горшках, которые буддисты выращивали чисто для красоты.

– На Петроградской точно удастся сбыть, – решил Краснобай и погнал караван по технологическому туннелю, минуя таможни Альянса.

И снова угадал: дендрофилы, тоже слывшие большими чудаками, товар оценили по достоинству, а в обмен нагрузили носильщиков плодами растущих на станции кустов, которые Антон немедленно продал жителям Новой Венеции. А на вырученные деньги купил еще одну партию грибов...

Постепенно дела у Антона Казимировича пошли на лад. В деньгах он не купался, но на плаву держался прочно, а это, считал Краснобай, уже хорошо. Крупным торговым кланам он глаза не мозолил, мелких конкурентов запугал или аккуратно устранил, и зажил по меркам метро почти роскошно: в своей комнате с водопроводом и санузлом; встав на ноги, он смог пару раз в месяц посещать элитный бордель на Сенной.

Авантюры не всегда приносили прибыль. Несколько раз на челноков нападали бандиты, и молодой купец оказывался на грани разорения, но даже в самые черные дни Антон Казимирович не унывал. «Кто не рискует, тот не пьет грибную брагу», – так звучал девиз Краснобая. Именно он первым из купцов центральных станций принял решение освоить еще одно свободное направление: правобережные станции, известные как Оккервиль.

– Веганцы товар отберут, и всего делов, – посмеивались конкуренты.

– Веселыми грибами заняться решил, Краснотрёп? Приморцы за это голову с плеч снимут, – пугали другие.

– Да Империя скоро раздавит этих ребят, как клопов, не связывайся, – советовали третьи.

Антон Казимирович ничего не отвечал. Однако про себя решил, что сразу вести караван и в самом деле слишком рискованно, и решил разведать обстановку лично. Взяв с собой единственного помощника и по совместительству начальника охраны, Николая Зубова, и захватив мешочек патронов на взятки пограничникам, Краснобай в тот же день отправился в путь.

Проблемы начались еще на Площади Александра Невского.

Краснобая и Зубова досматривали битый час. Первым делом их заставили раздеться до исподнего. Потом вытряхнули на столик все вещи, какие оказались при себе у Антона и Николая.

– Может, они еще в кишках наших покопаются? – шепнул Зубов шефу. Антон Казимирович не улыбнулся. Первое же столкновение с таможней Империи заставило его всерьез задуматься, а стоит ли игра свеч.

Документы Зубова и Краснобая забрали на экспертизу. Потом их отвели в маленькую комнатку, где из мебели имелись только стол, стул и два табурета, и желчный, вьедливый офицер, судя по всему, особист, начал допытываться, не связан ли купец с Приморским Альянсом, и с какой целью собирается посетить правобережные станции. Коммерсант начинал понимать, что если экзекуция продлится еще час, он не выдержит и сбежит обратно на Спасскую. С огромным трудом молодому бизнесмену удалось взять себя в руки.

В конце концов, их отпустили, но перед этим предупредили:

– Оккеры в последнее время режим ужесточили, посторонних не пускают. Зря время теряете.

Очень скоро Краснобай убедился, что особисты Империи его не обманывали.

В кромешной тьме, которую едва рассеивали ручные фонари, спотыкаясь на каждом шагу, Краснобай и Зубов с грехом пополам преодолели где-то километр туннеля. На стенах тут и там висели лампочки, вроде бы, исправные, но они почему-то не горели. Ничто не намекало на присутствие людей. Царила полная тишина, нарушаемая лишь едва слышным шелестом туннельного сквозняка да звуком падающих капель. И вдруг точно гроза разразилась над головами путников. Вспыхнул нестерпимо яркий свет, бивший прямо в глаза, а следом раздался громopodobный голос:

– Владения Оккервиля, проход закрыт!

С огромным трудом, прикрывая глаза ладонью, Антон рассмотрел впереди сооружение высотой почти в полметра. Блокпост. Судя по всему, мегафон держал в руках молодой солдат: голос его периодически совсем не к месту «давал петуха». Это немного успокоило Краснобая.

– У них пулемет, шеф. Серьезные ребята, – шепнул Зубов. – Может, лучше свалим?

– Заткнись, – шикнул купец на помощника. Он сделал шаг вперед и крикнул как можно громче:

– Я купец со Спасской!

Ответ дозорных Оккервиля заставил Антона похолодеть от ужаса.

– Проход закрыт. Считаю до десяти, потом огонь на поражение. Раз, два...

– Шеф, назад, они стрелять будут! – воскликнул Зуб, поднимая «Кедр» и заслоняя собой хозяина. Поспешно отступая во тьму, Антон Казимирович уже попрощался и со сделкой, и с жизнью... Но в этот момент случилось долгожданное чудо.

– Ляхов, обожди, – услышал Краснобай пререкания постовых, – дай сюда матюгальник.

Затем раздался другой голос, принадлежавший уже не зеленому юнцу, а человеку зрелому, опытному. На этот раз им уже не угрожали.

– Остановитесь. Из какого вы клана?

– Торговый дом Макарова! – отвечал Антон Казимирович как мог громко и отчетливо. Затем последовало несколько томительных минут, во время которых солдаты на блокпосте спорили, решая, как быть.

– Положите документы на бруствер! – потребовал командир укрепления, и спустя минуту Краснобай и Зубов оказались по ту сторону баррикады.

На передовом посту Оккервиля увидел Антон Казимирович пулемет «Печенег». Охраняли блокпост крепкие, вымуштрованные бойцы. И это был второй добрый знак: будь Оккер-

виль нищей окраиной типа Московских ворот, не тратили бы они силы на оборону. И взятку тут давать не пришлось.

Правда, имелся и минус: «Кедр» Зубову пришлось сдать. Из-за этого помощник чувствовал себя не в своей тарелке и то и дело поглядывал назад.

На следующем КПП проблем не возникло: очевидно, с аванпоста уже передали, что явились гости. Здесь им дали сопровождающего: молодую женщину по имени Лена. Когда Краснобай и Зубов перелезали через бруствер, она сидела в сторонке и болтала с одним из караульных. Увидев гостей, девушка встала в полный рост. И Антон Казимирович невольно залюбовался.

Тельняшка облегла стройную фигуру, подчеркивая природную красоту молодой женщины. Мешковатые армейские брюки очень ей шли. Рыжие волосы ниспадали по плечам. Черты лица не лишены изящества, во взгляде и жестах чувствовалась уверенность в своих силах.

«Восемнадцать лет или около того. Симпатичная девка, складная, спортивная», – отметил про себя Антон, окидывая цепким взглядом жительницу Оккервиля.

– Приятно познакомиться, Елена. А это, позвольте узнать, как вышло? – поинтересовался Антон Казимирович, указывая на гипс, скрывающий правую руку девушки.

«В душе упала, наверное», – подумал он.

– С мутантами билась, – сухо отвечала красавица.

– Не может быть! И скольких завалила? – Краснобай решил, что это просто шутка, и расплылся в улыбке. Но никто вокруг не улыбался.

– Одному из ружья череп снесла, второго ножом исполосовала, – ответил за девушку солдат по фамилии Вовк. – Я тоже в той схватке участвовал. Жаркая выдалась драка.

Антон понял, что это не шутки. Он сглотнул и посмотрел на красавицу еще раз, стараясь отогнать подальше смелые фантазии, возникшие при виде пышной груди девушки.

«Вот это да... – размышлял Антон. – Если тут такие секс-бомбы мутантов рубят, то что о мужиках говорить. Ну и место. Просто Спарта какая-то».

Они двинулись дальше. Лена шла впереди, Зубов замыкал шествие. Скоро туннель закончился – гости вступили на первую из трех станций союза.

Новочеркасская выглядела уныло.

Свет горел тускло, было прохладно. На парадной станции Империи, «Плане», Антон расстегнул куртку. Тут же ему пришлось повязать на шею шарф, чтобы не простудиться. Со сводов станции, мрачных, закопченных, давно нуждавшихся в побелке, свисали какие-то странные мешки. Только минут через пять Антон догадался, что это люстры, на которые накинули чехлы. Сразу стало ясно, что люди тут живут хоть и бедные, но не опустившиеся. На обычных жилых станциях люстры либо висели пыльные и разбитые, либо валялись на полу. На богатых станциях за люстрами, конечно, следили, старались менять лампочки, не допускали, чтобы светильники под потолком гасли. Но эту практику Антон тоже не очень одобрял, считал пустой тратой ресурсов.

Как и везде, имелись самодельные домики, сколоченные из подручных материалов. Палаток Антон не заметил, и это тоже был хороший знак: в палатках, ветхих, грязных, латаных-перелатанных, обычно ютились голодные оборванцы. Все жители метро, кто имел хоть какие-то средства, старались смастерить себе жилье понадежнее. Здесь, как и везде, пахло копченым мясом, смазкой, мокрыми тряпками, но хотя бы не воняло тухлятиной. Не заметно подтеков на стенах и грязи на полу. И отсутствовало еще кое-что неуловимое, что Антон не смог бы объяснить словами даже самому себе. Наверное, гнетущая атмосфера, от которой становилось тяжело на душе и начинало тошнить: почти везде в метро она была, а тут – нет. И это весьма радовало Антона Казимировича.

И люди, сновавшие туда-сюда по своим делам, Антону понравились. Они были тут здоровее и крепче, чем где-либо в метро. Да, такие же бледные, как и везде, и такие же худые на

вид – жизнь без солнца в царстве сырости и холода никому не шла на пользу. Зато все при деле, никто не шатался празднично, не валялся посреди платформы. Никто не откашливал мокроту. Все это успел за считанные секунды увидеть и почувствовать Краснобай. Как оказалось, не он один.

– Тут есть хозяин, шеф, – шепнул Зубов на ухо начальнику. – Кто-то, кто за порядком следит. Вы чувствуете? Это везде видно, в каждой мелочи.

Гостей окружила местная охрана – пятеро крепких парней, одетых в поношенный камуфляж, вооруженных выдавшими виды автоматами. Не чета солдатам Приморского Альянса, те и одевались лучше и вооружены были круче. Пришельцев еще раз тщательно досмотрели и проверили документы. Пока шел досмотр, Антон краем глаза уловил движение среди жилых домиков, в полусотне метров от них. Там с местным начальником, судя по знакам отличия, полковником, спорили имперские офицеры. Двое. Веганцы старались говорить тихо, но жестикуют активно, а Антон обладал отличным слухом, и потому легко понял, что речь идет именно о них. О нем и Зубове.

– Мы запрещаем вам принимать этих людей, полковник! – наседавал веганец. – Выставьте их вон немедленно, или у вас будут проблемы!

– Прогнать человека, который пришел по просьбе Макарова? Самого Макарова? С какой стати? – возражал полковник. – И вообще, это наше внутреннее дело!

– Ошибаетесь. Ошибаетесь, – зашипел в ответ имперский офицер. – Это наше дело. Все, что творится у вас тут, наше дело! Много себе позволяете, полковник. Охоту разрешили без нашей санкции, так? Плату с «грибников» за транзит повысили, так? Знайте, у господина Сатура терпение не резиновое. Не играйте с огнем, полковник...

Веганцы ушли в тот же туннель, из которого только что вывели Краснобая и Зубова.

«Фух. Пронесло, – подумал Антон Казимирович, – значит, сделка состоится. Значит, не зря топал в такую даль. Интересно, чем им так угодил Коля Макаров, раз они готовы пойти на конфликт с Сатуром? Интересненько».

Полковник, споривший с веганцами, больше не показывался. Вместо него появился запыхавшийся мужчина богатырского телосложения с лейтенантскими погонами. Антон отметил про себя, что полковник был еще выше ростом и шире в плечах, чем лейтенант. Казалось невероятным, как небогатая община умудряется прокормить таких гигантов.

– Лейтенант Ларионов, – представился великан. – Уполномочен вести с вами переговоры. А вы, стало быть, работаете на господина Макарова?

– Совершенно верно, – отвечал Краснобай, слегка наклонив голову.

– Надо же. Столько лет прошло... Что ж, добро пожаловать.

Суровое лицо лейтенанта дружелюбия не выражало, но и угрозы с его стороны Антон Казимирович не ощущал. Скорее просто настороженность, вполне естественную и понятную. Купец думал, что их проводят в помещение или хотя бы предложат сесть, но этого не произошло.

– Товар тащите! – распорядился лейтенант.

Тут же появились вышколенные молодые люди, девушки и юноши, все как один в камуфляже. На полу вокруг Краснобая они в считанные секунды постелили клеенки и разложили на них какие-то вещи – видимо, товар Альянса: несколько вязаных шапочек, варежки, мешочки с сушеными грибами и еще кое-что. Затем рядовой состав испарился, оставив гостей наедине с командиром.

– Вы с кем-нибудь торгуете? – поинтересовался Антон Казимирович, с виду небрежно, но очень внимательно рассматривая нехитрый товар.

– Да можно сказать, что нет, – пожевав губами, отвечал лейтенант, – соседи наши, грибники, все время шныряют в Большое метро. Мы им транзит обеспечиваем. Веганцы тоже свой навар с наркотрафика имеют... И конкурентов они, сами понимаете, не потерпят.

– Понимаю, – кивнул Краснобай. Про себя же подумал: «И меня они воспринимают как конкурента. В голове не укладывается, почему тогда нас пропустили. Тем более, после такого недвусмысленного намека, что нечего тут делать залетному барыге. Что-то тут не так, что-то не так...»

– Один только раз к нам караван приходил, три года назад. Он принадлежал вашему хозяину.

– Да, я слышал, что босс имел дела с вами, – кивнул Краснобай, мигом поняв, какой ответ требуется.

Ситуация начинала проясняться. У Антона Казимировича в документе, в самом деле, стоял штамп: «Макаров Н.Б, торговый дом». Штамп этот ничего не значил, с Николаем Борисовичем Макаровым молодой купец никогда не работал. Просто когда Краснобай только начал свое дело, ему требовалось официально числиться в каком-нибудь клане, иначе никто бы даже переговоры вести не стал. Вот Антон и договорился с одним мужиком, который занимался торговлей медикаментами, чтобы тот поставил ему в паспорте свою печать.

– Имел дела – сильно сказано, – отвечал лейтенант. – Но тот караван нас просто спас, по-другому не скажешь.

– Теперь ясно, почему хозяин снова решил с вами дела наладить и меня послал. Что же случилось? Честное слово, босс ничего не рассказывал, – поинтересовался Краснобай, не на шутку заинтригованный ситуацией. В данном случае он почти не врал.

– Болезнь на станциях гуляла. Откуда взялся этот вирус – так и не выяснили. Может, «зеленые» каким-то образом запустили. Медикаменты кончались, первые гробы стали заколачивать. Хотели послать ходоков в метро, так веганцы, суки, не пропустили, – лицо Ларионова потемнело, глаза налились кровью, кулаки сжались. – И тут, точно посланник самого Господа Бога, появляется этот мужик с тремя носильщиками. А в мешках у них антибиотики всякие, пенициллин там, амоксициллин. Спас нас Николай Борисович. Просто спас. И красиво-то как вышло – спаситель со Спасской.

– Да. Сочетание интересное, – согласился Антон.

– Просто чудо. Совпадений не бывает, чушь это все. Чудеса – бывают, – Ларионов умолк, а потом добавил тихо, с теплотой и нежностью, которые абсолютно не вязались с его обликом: – Интересно, как там наш спаситель?

– Все хорошо у хозяина, – улыбнулся Антон Казимирович.

О том, что он лично присутствовал на похоронах Макарова, зарезанного во сне безвестным киллером, Краснобай решил не говорить.

– Хороший мужик был Коля Макаров. Порядочный. Такие люди в метро не выживают, – заметил тогда Зубов.

«Пусть для жителей Оккервиля их благодетель останется живым, – решил купец, – мне это будет только на руку».

– А так чем торговать-то, ничего особенного не делаем. Что выращиваем или производим, то сами потребляем. Вот, сами можете посмотреть, какой у нас товар, – продолжал рассказывать лейтенант. – Кстати, не мое дело, конечно. Но почему...

– Почему босс снова вспомнил про ваш медвежий угол? – договорил Антон, заранее предусмотревший подобные вопросы. – Все просто, лейтенант: хозяин ищет новых партнеров. Хоть и невелико у нас метро, хоть каждая третья станция заброшена, а все равно конкуренция жуткая. И не волнуйтесь, наркотики, конечно, товар ходовой, но чтоб не создавать вам проблем, обойдусь без них. Обидно, конечно, но с Империей не поспоришь.

Лейтенант, услышав это, сдержанно улыбнулся. Они обсудили еще некоторые аспекты будущей сделки, поговорили о жизни в Большом метро, после чего Антон Казимирович стал прощаться с лейтенантом.

– Пора в путь-дорогу. Вы уж простите, но спешить нам надо. Прощайте, лейтенант, ждите караван в ближайшее время. До встречи, Елена, – бизнесмен слегка поклонился девушке, которая снова появилась рядом. Ответом ему была сдержанная улыбка.

Обычно Антон Казимирович, не увидев интереса к своей персоне со стороны женщин, расстраивался. Но сегодня голову купца занимали другие мысли. Он вычислял, какую прибыль сможет получить от торговли. Эти цифры с каждой минутой радовали его все больше.

Краснобай ликовал. В первый раз за последний год, не слишком удачный для его бизнеса, ситуация казалась выгодной, с какой стороны ни посмотри.

– Эти оккеры, наверное, единственные жители метро, которых не назовешь сволочами, – сказал Антон Зубову, когда они вернулись на Спасскую. – Они не кинут, не подставят.

– Мы видели только одну станцию, – осторожно возразил боссу помощник.

– А! – отмахнулся Антон. – Остальные такие же, зуб даю. Спасибо изоляции. И Кольке Макарову.

Он замолчал, воскрешая в памяти все детали беседы с лейтенантом Ларионовым.

– Ничего особенного у нас нет, как видите, самые обычные вещички, – говорил тот, словно бы извиняясь. Антон с Ларионовым не спорил.

«Пусть думают, что их товары – никому не нужная фигня, мне это только на руку», – размышлял Антон Казимирович, с равнодушным видом разглядывая вязаные носки и шапочки, банки с тушенкой, мешочки с сушеными грибами и прочий нехитрый скарб, разложенный на платформе расторопными солдатами общины. Он прекрасно понимал, что именно «обычные вещички» в метро – самый ходовой товар, и прибыль приносит гарантированную, а Краснобай рисковать не имел права. По крайней мере, сейчас. Конечно, товары редкие и дорогие можно было продать в десятки раз дороже, но поди еще найди покупателя. Да и через таможню без хорошей взятки не пронесешь. А носки шерстяные – они всегда всем нужны.

– Короче, хватит болтать, – Антон стукнул кулаком по столу, – готовь товар. И Ленке этой, красотке со сломанной рукой, подарочек какой-нибудь передай. Так, на всякий случай. Все понял? Давай.

Зубов помчался выполнять распоряжение.

Краснобай лично все проверил и перепроверил; проследил, как челноки укладывают в мешки медикаменты. Наконец, уже у блокпоста Спасской, Антон Казимирович вручил Зубову патроны на взятки, и в первый раз за последние дни позволил себе расслабиться – после долгого перерыва вызвал Эмилию, девушку из элитного борделя на Сенной...

На самом деле красотку звали Женя, но она категорически запрещала большинству клиентов называть себя настоящим именем, посетители борделя знали ее только как Эмилию. Антон Казимирович был одним из немногих, для кого Женя делала исключение. За два года, что Антон и Женя были знакомы, они отлично ладили; изучили вкусы и пристрастия друг друга.

Иногда Антону Казимировичу казалось, что Женя начинает воспринимать их отношения как некий род дружбы. В душе он посмеивался над ее наивностью, но молчал. А потом стал подпитывать эту уверенность, видя, какую радость приносят партнерше спокойные, неторопливые беседы, обязательный и едва ли не самый важный элемент их встреч. Именно ум девушки, а вовсе не ее внешность, поразил его три года назад, когда они увидели друг друга в первый раз.

Эмилия, конечно, была хороша собой. Густые, вьющиеся волосы, черные как смоль, ниспадали по плечам. Слегка раскосые глаза, аккуратно подведенные дефицитной тушью, могли свести с ума любого. Ухоженное, гибкое, тренированное тело Эмилии влекло и манило к себе. Легкая бледность, обычная для всех жителей метро, не портила впечатления. Качество услуг

и вовсе оказалось выше всяческих похвал. Но все это не стало для купца сюрпризом – он знал, что заведение не зря слывет элитным. А вот чем действительно удивила его Евгения и чем в итоге так прочно к себе привязала, – так это умением поддержать почти любую беседу и при этом вовремя замолчать. Он рассуждал о поэзии и музыке чисто от скуки или в шутку, и слышал в ответ весьма разумные слова.

– Тебя тут один хмырь «гейшей» обозвал, – обронил как-то между делом Антон Казимирович. – Это что за слово такое?

– О-о! Это очень интересное понятие. Я в двух словах, – отвечала Женя. За этим последовала весьма познавательная лекция о японских женщинах, которые развлекали искушенных клиентов стихами, музыкой, танцами и прочим.

– Хм. А что, правильно, – произнес задумчиво Краснобай, дослушав до конца. – Хочешь быть востребованной – развивайся.

– Именно, – расплылась в улыбке Эмилия. – Восток – вообще штука интересная. Взять хотя бы хокку. В трех строчках столько смысла. Как тебе, например, такое?

Она на миг закрыла глаза, улавливая нужную интонацию, после чего произнесла тихо, нараспев:

*Ива склонилась и спит
Кажется мне, соловей на ветке –
Это её душа...*¹⁰

– Да-а. Образно, – кивнул Антон Казимирович. – И откуда ты все это знаешь? За стеной сидит твой помощник и подсказывает в окошко?

– Нет, – звонко рассмеялась красавица, – зачем такие сложности? Это я сама. На Площади Восстания, где я раньше жила...

– Так ты что бордюрщица... Тьфу. Извини. Ты родилась в Москве?! – выпучил глаза Краснобай, и, получив утвердительный ответ, расплылся в улыбке. Ничего против москвичей он не имел, просто с девушками из бывшей столицы до этого ни разу не сталкивался и не знал, похожи они на прочих, или отличаются.

«Круто, если они все такие, – подумал мечтательно Антон. – С другой стороны, мне и Жени хватает».

– Так вот, у меня дома была хорошая библиотека. Я начала читать запоем лет в шесть. Как раз успела до Катастрофы. Но если я тебе надоем, ты скажи.

И молчать, надо сказать, Эмилия тоже умела. Почти каждый раз Краснобай приходил к ней злой, мрачный, замученный бесконечными стрессами... А выходил спокойный, умиротворенный. А иногда сразу из борделя шел в библиотеку, чтобы в следующий раз удивить девушку какой-нибудь умной мыслью.

Например, в книге про античную Грецию он наткнулся на слово «гетера». Понятие сопровождалось изображением обнаженной женщины. Не на шутку заинтересованный, Антон прочел статью полностью. Там говорилось, что гетерами в античные времена называли свободных женщин, не связанных узами брака, хорошо образованных и интеллектуально развитых. Мужчин они ублажали не всех подряд, а только по своему выбору. Нередко гетеры обслуживали очень знатных и влиятельных людей, например, Платона и Аристотеля.

«Тоже красиво, – размышлял Антон Казимирович, закрывая книгу. – Видать, во всех профессиях есть свои чернорабочие и своя элита... Надо будет рассказать Женьке про гетер. Хотя она, конечно, и сама знает».

Так шли недели, месяцы, ничего не менялось.

¹⁰ Хокку японского поэта Мацуо Басё.

Однажды, когда купец и его помощник подводили итоги месяца, Зубов заметил, что на встречи с Эмилией уходит слишком много наличности.

– Не лезь не в свое дело, Зуб, – хмуро процедил Краснобай. Но Николай Михайлович в первый раз в жизни решил довести неприятный разговор до конца.

– Простите, шеф, но это и мое дело тоже, – вежливо, но твердо заговорил Зубов, – вы сами сделали меня не только начальником охраны, но и в некотором роде компаньоном. Меня мало волнует, любите вы ее или нет, это ваше дело. Меня волнует, шеф, другая дыра – дыра в бюджете, – с этими словами Николай показал Антону Казимировичу листок с расчетами, – поэтому вы уж меня извините, но обычная подружка обошлась бы куда дешевле...

Никогда еще Зубов не видел, чтобы хозяин приходил в такую ярость. Антон Казимирович сжал кулаки, лицо его побагровело. Краснобай молчал очень долго. В какой-то момент Николай решил, что ответа не последует, и хотел уже ретироваться. И тут Краснобай заговорил. Он полностью совладал с собой, аргументы следовали один за другим строго, стройно.

– Ошибаешься, Зуб. Ошибаешься. Зато прав был тот шутник, который сказал: «Нет девушек дороже, чем бесплатные». Да, да и еще раз да. Как ты думаешь, Женька хоть раз требовала от меня подарки? Устраивала скандалы на пустом месте? Шантажировала отлучением от спальни? Ныла, чтобы я ее к себе прописал? Нет! А наша, как ты выразился, дыра возникла главным образом по вине чертовых коммунистов.

– Это правда, – признал помощник.

Звездная коммуна считалась общиной весьма экстравагантной, и на это имелись веские основания. Кроме всего прочего, коммунисты испытывали к торговцам из центра классовую ненависть, поэтому сроки срывали без всяких угрызений совести. Антон решился на торговлю со Звездной только потому, что последние дни остро нуждался в деньгах. И вот его самым беспардонным образом «кинули».

– Между прочим, она меня свела с тремя поставщиками, если уж о пользе речь вести. А в борделе на Сенной мне, как постоянному клиенту, давно сделали скидку шестьдесят пять процентов.

– Но и эти деньги можно сэкономить, – не сдавался Николай Михайлович. – Бабы разные бывают. Конечно, на Невском проспекте красотки капризные, но ведь сколько есть бедных станций, любая счастлива будет...

– Ты вообще в курсе, какие болячки гуляют на этих «бедных станциях»? – сурово оборвал Антон помощника. – А на Сенной девочек и охраняют, и медицинское обслуживание обеспечивают. И мужчины ходят туда солидные, они их не лупят, не калечат. И не заражают. Поэтому так дорого. Цена не с потолка берется, Зуб. Теперь главное: женщины, работающие там, заслуживают уважения. Они через многое прошли и многого добились.

Зуб слегка усмехнулся. Антон посмотрел на него с презрением.

– Чё ты ржешь? Ты же не глупый мужик, Зуб. Какую, блин, карьеру может сделать женщина в метро? Знаешь хоть одну станцию, где живут бабы-чиновники? Дипломаты? Военные?

– Но на кой ляд бабе карьера? – пожал плечами Николай Михайлович. – Нашла себе хорошего мужика, нарожала деток...

– Вот. Во-от, – закивал Антон с одобрением вместо того, чтобы опять нагрубить Зубову. – Для абсолютного большинства женщин «найти мужика» – предел мечтаний, ты прав. И раньше так было, и тем более в наши сраные времена. Но Женя – не такая. Она хотела добиться чего-то в этой чертовой жизни, которая даже на богатых станциях на жизнь ни хрена не похожа. И она добилась, Зуб! Теперь последнее. Люблю ли я Женю – я и сам не знаю, но это и не важно. Я ее уважаю. Она умная баба, с ней интересно и легко. Женя классный психолог, Зуб, настоящий ас, она всех своих клиентов насквозь видит. Мне иногда кажется, она меня понимает лучше, чем я сам... И она единственный человек в мире, который не имеет мне мозги. Намек ясен? – сухо подвел итог разговора Антон Казимирович. Зубов кивнул и поспешно ретировался.

Ждать Женю пришлось долго. Хозяева борделя никогда не выпускали своих работниц за дверь, если не было свободного охранника для сопровождения.

Но в тот момент, когда в его холостяцком жилище, сияя обворожительной улыбкой, появилась долгожданная девушка, когда Антон Казимирович в первый раз за день выкинул из головы все мысли о работе и расслабился, в комнату, едва не сбив Эмилию, влетел бледный, взъерошенный Зубов.

– Шеф! Эти сукины дети! Эти ублюдки чертовы! Эти му... – закричал он с порога.

– Отобрали товар?! – Краснобай схватился за сердце.

– Да нет, – замотал головой помощник, но договорить не смог, мешало сбитое бегом дыхание.

– Расстреляли караван?! – побледнел как полотно купец.

– Не. Не пустили. Остановили перед блокпостом, сказали: «Транзит запрещен». Ну типа нельзя на правый берег.

– И надолго они перекрыли проход? – спросил Краснобай, опускаясь на разобранную постель.

– Навсегда, – глухо отвечал Зубов.

Антон Казимирович застонал и закрыл лицо руками.

Эмилия постояла с минуту, видимо, размышляя, в чем больше нуждается Антон, в ласке или в покое. Потом, осторожно закрыв за собой дверь, покинула комнату вместе с охранником, который всегда сопровождал жриц любви на вызовы. За ней вышел и Зубов.

* * *

Пламя догорало, оставляя в воздухе тошнотворный запах паленой плоти. Клубы едкого дыма медленно рассеивались, уступая напору вентиляционных установок. Ошметки саж, похожие на маленьких черных фей, закружились в воздухе, а потом медленно опустились на покрытые мусором плиты.

Зловещий Черный Санитар¹¹, переполошивший Чернышевскую среди бела дня, удалился так же стремительно, как и явился. Прогрохотали по перрону тяжелые, гулкие шаги, и вот уже загадочный борец с заразой растворился во мраке туннеля. А посреди станции осталась лежать, источая смрад, сморщенная, уродливая головешка.

Еще пару минут назад это был человек, крепкий, здоровый мужик, который улыбался, напевал себе под нос, делал комплименты женщинам... И вот от него остался лишь обгоревший труп, на лице которого (точнее, на том, что осталось от лица) застыла гримаса невыразимого ужаса и муки. Этот мужик пришел со станции Спасская.

Шептались, что погибший работал то ли посредником, то ли агентом купца по фамилии Краснобай, а купцов на Чернышевской недолюбливали, да и заразных заболеваний боялись, как огня. Никто не посмел остановить Санитара – ни охрана, ни обычные жители. Все разбежались, кто куда, и жались за колоннами, наблюдая за разыгравшейся здесь огненной мистерией. Только сталкер-ветеран Шаградов по прозвищу Будда метнулся на помощь торговцу, но его оттащили.

– Поделом торгашам. Значит, у них там болезнь гуляет, – говорили друг другу жители, выбираясь из укрытий и принимаясь за прерванные дела.

– Так и надо! – шептались бабушки. – Скорее бы Санитар всю эту заразу из метро выжег.

– Папа, а правда, что Черный Санитар может прийти в любой момент? И никто его не остановит? – лепетал худенький белокурый мальчик лет восьми, дергая за рукав отца, рабочего в спецовке.

¹¹ Этот герой подробно описывается в романе А.Г. Дьякова «Во мрак». Астрель. 2011.

– Да, Мишенька, это так, к сожалению, – отвечал отец со вздохом.

– Значит, он убьет и нас? – мальчик побледнел, задрожал и с ужасом огляделся, словно опасался, что уродливый нелепый силуэт прямо сейчас вынырнет из-за пилона.

– Нас-то зачем? Сынок, он убивает только больных, а мы-то здоровы, – произнес мужчина, ласково потрепав сынишку по макушке.

По выражению лица рабочего было видно, что сам он в эту успокоительную ложь не очень-то верит.

Никто из жителей метро не мог назвать себя здоровым. У всех что-то болело, имелись нарушения в работе органов пищеварения или дыхания. А значит, потенциальными «клиентами» Санитара становились почти все...

Немного в стороне комендант Чернышевской отчитывал смельчака, что осмелился броситься на выручку бедняге, приговоренному Санитаром к смерти.

Бадархан Шаградов, коренастый азиат, в прошлом был лихим сталкером. Однако потом бурят связался с братьями Жабиными, оказался замешан в криминале и на три года лишился права выходить на поверхность. Этот срок истек через несколько месяцев. Шаградов коротал теперь дни на нейтральной Чернышевской, тихой, сонной станции, где жизнь напоминала болото.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.